ФАНТУМ 2013

МЕЖДУ ЗЕМЛЁЙ И НЕБОМ

Березин Вересаев Ветлугина Гелприн Гинзбург Лескова Немытов Первушин Тихомиров Тулина

Антологии (Снежный ком)

Федор Березин

Фантум 2013. Между землёй и небом

«Снежный Ком»
2013

Березин Ф. Д.

Фантум 2013. Между землёй и небом / Ф. Д. Березин — «Снежный Ком», 2013 — (Антологии (Снежный ком))

Земля и Небо, Человечество и Космос – вечные темы научной фантастики. А что между Землёй и Небом? Неужели, как сказал поэт – только война? Или кое-что поинтереснее? Новый, отныне – ежегодный, сборник «Фантум» представляет читателю широкий выбор тем. Биотехнологии, искусственный интеллект, загадочные инопланетяне, грозные инопланетяне, непостижимые и даже невообразимые инопланетяне… Какой станет система наказаний за преступления и насколько изменится роль рядового сантехника. И даже музыка – в ней тоже, оказывается, заключена фантастика. Неизменно одно – авторы ставят персонажей в положение непростого этического выбора. А что же между Землёй и Небом – решать тебе, читатель.

© Березин Ф. Д., 2013
© Снежный Ком, 2013

Содержание

Земля 5
Мария Гинзбург 5
Анна Ветлугина 70
Глава первая. Безслов 70
Конец ознакомительного фрагмента. 72

Антон Первушин, Майк Гелприн, Федор Березин, Игорь Вереснев, Мария Гинзбург, Анна Ветлугина, Наталья Лескова, Николай Немытов, Светлана Тулина, Максим Тихомиров
Фантум-2013
Между землёй и небом
Сборник

Земля

Мария Гинзбург
Ворота

Я видел мир, я вернулся назад,
Я хочу стать кем был, пришло это время.
Мои губы опускаются всё ниже и ниже,
Я ищу те ворота, откуда я вышел.

Я пришёл войти в те ворота, откуда я вышел,
Я пришёл целовать те ворота, откуда я вышел…

«Наутилус Помпилиус», «Ворота»

В ночь, последовавшую за бурным празднованием свадьбы, случилась небольшая заминка. Тогда Курт и сказал Эрике, что никогда – НИКОГДА! – не ударит её. Подросток слишком хорошо помнил слёзы матери и синяки, разрушившие её душу раньше, чем тело. По выражению глаз Эрики Курт понял, что она не поверила ему. Тогда парень набрался терпения и стал ждать. Манёвр принёс свои плоды, да такие, о каких Курт и мечтать не мог. В ту ночь, когда Эрика поняла, что в постели муж, не рассуждая, выполнит любое её желание, за Куртом пришли.

Чёрное знамя, висевшее на шпиле увитой лианами крепостной башни, поникло грязной тряпкой – в ту ночь не было ни ветерка. В джунглях за оградой жалобно мяукала пума. Шаги караула, ведущего Курта к храму, отдавались гулким эхом по старинной брусчатке плаца. На лицах дежурных ясно читалось, что они не ответят ни на один его вопрос. Впрочем, Курт и не собирался их задавать. Его время посвящения давно пришло. Алоиз с братом уже успели в Италии побывать, а он, Курт, до сих пор не мог участвовать в боевых операциях. Хотя до тех пор, пока Эрика не забеременеет, его всё равно не взяли бы. Но в этом-то направлении хоть что-то зависело от него самого; а время посвящения выбирал глава Шербе. Курт досадовал только, что столь знаменательное событие выпало именно на сегодня, когда он оглушён сладкой

усталостью тела и не в силах прочувствовать торжественность момента. Когда они вошли в храм, часы начали бить полночь.

Окованная почерневшим железом дверь с заунывным скрежетом захлопнулась за караулом. Курт остался один в небольшой комнате. В камине потрескивали дрова. Блики играли на развешанных по стенам рыцарских доспехах, двуручных мечах и моргенштернах. Оружие было отнюдь не бутафорским. Он видел глубокие зазубрины на клинках и вмятины на старательно вычищенном, без единого пятнышка ржавчины панцире. Посредине комнаты стоял алтарь, накрытый чёрной тканью. На нём лежал человеческий череп, настолько огромный, что Курт цинично подумал, а не из пластмассы ли он. По обеим сторонам черепа горели две толстые свечи чёрного воска. В комнате было тепло, даже душно. Курт прислонился к выпуклой груди составленного из доспехов рыцаря. По задумке, эти несколько минут томительного ожидания должны были взвести посвящаемого до предела. Но вместо этого Курт заснул.

В глубине помещения хлопнула дверь. Курт вздрогнул и очнулся. Он ощутил запах шнапса, смешанный с цветочным ароматом женских духов, и поморщился. Перед алтарём появился высокий мужчина в чёрном балахоне с прорезями для глаз. Мужчина украдкой что-то дожёвывал. Проглотив, он спросил хорошо поставленным голосом:

– Юнкер СС Курт Эйхманн! Клянёшься ли ты всегда и во всём быть верным учению фюрера нашего и рейхсканцлера Адольфа Гитлера, а также поставленным им над тобой командирам?

– Клянусь, – вяло ответил Курт.

Мужчина покосился на подростка и выразительно кашлянул.

– Клянёшься ли ты, что покорно и радостно примешь смерть, если по трусости или злой воле ты нарушишь тайную клятву братьев Ордена Крови? – спросил мужчина в балахоне.

– Клянусь! – звонко ответил Курт.

– Клянёшься ли ты, – одобрительно кивнув, продолжал мужчина, – что только смерть освободит тебя от этой клятвы?

– Клянусь! – рявкнул Курт.

Мужчина указал рукой на стену, в которой тут же открылась дверь. В отличие от внешней двери, здесь петли были хорошо смазаны, и открылась она совершенно беззвучно. Курт направился туда. Там его ждала самая неприятная часть обряда. За дверью оказалась лестница, ведущая вниз и заканчивающаяся освещённым пятачком около метра в диаметре. Курт спустился и остановился в ожидании. Несмотря на кромешный мрак, чувствовалось, что этот подземный зал имеет огромные размеры. Курт услышал шорох и свист, как будто к нему приближалась большая змея. Он оглянулся в поисках оружия. «С этих придурков станется констриктора сюда запустить… или боа», – подумал Курт раздражённо. Шорох от движения чешуйчатого тела стал громче. Курт резко обернулся, пригибаясь. Нужно свернуть голову твари до того, как она набросит на него петли своего могучего тела.

Нет, это был не боа и даже не констриктор.

Несколько секунд Курт с изумлением и восторгом смотрел на чудовище. Змей был чересчур страшен для того, чтобы быть опасным. Слишком невероятен, чтобы быть сказкой. В огромном жёлтом глазу светилась мудрость, которой редко обладают такие силачи. Кольца его тела заполняли весь зал, но Курт ясно понял, что здесь только малая часть чудовища. Этот змей обвивал собой всю Землю…

Огромная пасть начала открываться. Перед лицом Курта пронеслись длинные тонкие клыки, ряды острых зубов за ними, раздвоенный алый язык, с которого капнула холодная слизь. Стали видны белые кольца пищевода – чудовище словно хотело вывернуться наизнанку. Тут Курт должен был обмочиться, наделать в штаны и умереть.

Но он смачно, со всхлипом зевнул в ответ.

Пасть захлопнулась. Жёлтый глаз с интересом уставился на Курта.

– Извини, что нарушил твой сон, – сказал он, поколебался в поисках подходящего титула, и слово пришло само: – О повелитель змеев. Сделай, что должно, и ложись спать.

Раздался скрип чешуи и шорох, а затем подросток услышал тихий, с присвистом, грустный голос:

У меня бессонница, не извиняйся.

– Может, это потому, что ты спишь один? – сочувствуя, спросил Курт.

Поток образов, невыносимых в своей яркости, обрушился на него.

Два огромных тела, сплетённые в невообразимый клубок, шар, по размерам сравнимый с Землёй, но шевелящийся…

Морские змеи, серебристые, зелёные, оранжевые и матово-синие, выскакивают из воды, ловко цепляют китов зубами, подбрасывают их вверх и подставляют распахнутые пасти. Один кит – один глоток…

Корабли, обвешанные парусами, как прачечная после банного дня, крохотные фигурки с короткими и толстыми копьями в руках. Люди охотились не на морских змеев, нет. Они в них даже не верили. Китовый ус, ворвань – вот что было их целью. Но не стало китов – не стало и прекрасных, могучих морских змеев…

Бескрайняя водная пустыня и огромный чёрный, кое-где погрызенный плавник, рассекающий безжизненную гладь…

– Хочешь, я тебе песенку спою? – сказал Курт. – Колыбельную?

Чудовище кивнуло.

Дитрих глянул на экран и уронил полную рюмку шнапса себе на брюки, но даже не заметил этого. Секретарь руководителя Шербе, Поль, проследил за его взглядом. Шнапс в бутылке, которую Поль держал в руке, мелкими волнами бился о стенки.

Курт висел в воздухе, на высоте около полутора метров над освещённым пятачком. Похоже, подросток вольготно расположился на чём-то мягком. Правой рукой он обнимал что-то круглое, очень большого диаметра.

– Если русский снайпер во мне не сделает дыру, если я со страха в окопе не помру… – донёсся из ретранслятора голос подростка.

– Он поёт «Лили Марлен», – пробормотал Поль.

– Не так важно, *что* он поёт, а *кому*, – хрипло ответил Дитрих.

…Он бросил кости. Руна, похожая на детский рисунок пальмы, стремительно закувыркалась в воздухе. Он ждал. «Лебен» – «жизнь», или «тотен» – «смерть». Значение этой руны менялось в зависимости от того, вверх или вниз разлапистым венчиком ляжет знак. И когда руна с костяным стуком коснулась стола, Курт понял, что неожиданно стал ею. Плотно сжатые ноги Курта образовывали нижнюю палочку руны, голова и раскинутые в стороны руки – расходящиеся веером палочки верхнего элемента.

Глаза, серо-зелёные, холодные и бездонные, как та дыра, в которую с края Мидгарда изливается море, смотрели на него с невыразимой высоты. Бог скривился от боли. Или он это так улыбался?

Мускулистое тело змея под Куртом и вокруг него дышало уютным теплом. Курт не знал, сколько времени он провёл здесь. Но некое чувство, встроенный будильник, который тикает в любом человеке, подсказало ему, что скоро рассвет. Он осторожно прополз по холмам и извивам огромного тела и выбрался на лестницу. На третьей ступеньке Курт вспомнил, что самого главного они так и не сделали. Несколько секунд он, колеблясь, смотрел на спящего змея, а потом сильно толкнул его ногой. Чудовище открыло один глаз и сонно посмотрело на Курта.

– Укуси меня, – сказал он. – И я уйду.

Открылся и второй глаз. Сна теперь в них не было ни капли.

– Я – тебя? – переспросил змей. – Я – ТЕБЯ?

По его телу прошла судорога. Чудовище затряслось так, что вслед за ним угрожающе задрожали стены зала, с потолка посыпалась крошка. Змей расхохотался. Алый язык вывалился из пасти и болтался туда-сюда в такт движениям уродливой головы.

– Я – ТЕБЯ! – повторило чудовище сквозь хохот.

Курт не видел в этом ничего смешного, но дружелюбно улыбнулся и кивнул.

– Именно, – сказал он.

Змей повернул морду так быстро, что Курт и не заметил. На этот раз чудовище не стало открывать пасть так картинно, как при встрече. Змей чуть разжал челюсти и прихватил зубами кожу Курта на предплечье, оставляя несмываемую метку – «88». Мир вспыхнул белым пламенем и исчез. В последний миг Курт успел подумать о том, что так и не увидел, как легла руна.

Волк поднял морду, с которой свисали клочья жёлтой пены, и тоскливо завыл. Казалось, от протяжного, полного боли звука завибрировало даже пуленепробиваемое стекло.

– Мне теперь нужен новый министр обороны, – раздражённо сказал Кайс.

Реджинальд Бенсон, руководитель секретного научного центра, в это время в полной прострации рассматривал велотренажёр, стоявший в углу комнаты. «Господи, какой же я идиот, – думал молодой учёный. – Прав был Эрик, тысячу раз прав, когда отказался участвовать в этом проекте. А я-то, дурак, обрадовался. Начальником проекта назначили, собственный научный центр дали…» Реджинальд вздохнул. Гений мог позволить себе капризы, мог выбирать, над чем ему хочется работать.

А он, Реджи Бенсон, – нет.

У Эрика до сих пор было норвежское гражданство и, помимо этого, прелестный домик где-то во фьордах, в котором предки гения отдыхали от резни и грабежей, – молитва, сложенная общими усилиями всего духовенства Европы специально для такого случая, иногда всё же доходила до адресата. А у Реджи был контракт на четыре года и разваленная ферма в Техасе, где хозяйничал вечно пьяный папаша. Возвращаться на ферму и крутить хвосты коровам всю оставшуюся жизнь Реджи не хотел.

Хэнкоку досталась львиная доля заразы, и с ним всё стало ясно в течение получаса. Вирус должен проявить себя за неделю; но президент США не имел лишних недель для того, чтобы торчать в научных лабораториях. Тогда Бенсон предложил ускорить процесс, и из спортзала для сотрудников принесли тренажёр. Кайс находился в неплохой физической форме, но не успел он проехать и двух километров при максимальной нагрузке, как из всех пор его тела хлынул пот. Президент потерял сознание, а очнулся уже на жёсткой кушетке в углу.

Но очнулся он человеком.

При словах Кайса Бенсон встрепенулся и беспомощно развёл руками. Тонкая полоска чёрных усиков придавала молодому учёному сходство с Лукасом из «Кармен» или мальчишкой-латиносом, моющим посуду в дешёвой забегаловке. Кайс поморщился. В последнее время всё, что напоминало о бесстрашных испанских конкистадорах, вызывало в нём глухую неприязнь.

– Ради бога, извините нас, господин президент, – заплетающимся от страха языком сказал Бенсон. – Это нелепая, трагическая случайность, заверяю вас. Перед тем как войти в лабораторию, надо было нажать кнопку сигнала на стене. Сотрудники работают с крайне опасными реактивами; и когда раздаётся звонок, все откладывают, если так можно выразиться, пробирки и запечатывают их. А когда узнают, в чём дело, возвращаются к работе.

В отличие от неудачливого тореадора Бенсон и не пытался взять быка за рога. Молодой учёный выбрал иную стезю, доказав, что не зря провёл всю молодость на ферме. Бенсон смог

ухватиться за соски жирной коровы, носившей имя «Государственный стратегический заказ» и теперь крепко, двумя руками держался за них. А когда владелец фермы, недовольный надоями, сам приехал проверить, как идут дела, хозяина ткнули носом прямо…

«Прямо в дерьмо», – подумал Кайс. Перед ним снова промелькнул падающий на пол стеклянный сосуд странной формы. Над осколками взметнулся рой серебристой пыли. Тогда президент чихнул, а пыль, начхав на законы аэродинамики, завертелась в воздухе миниатюрным торнадо. Затем крохотные серые жуки разделились на две группы, и несколько секунд над полом висели два кручёных рога. А потом спирали, отливавшие сталью, бросились на президента и министра обороны.

Кайс снова посмотрел на волка. Тот лежал на брюхе, закрыв морду лапами, и тихо скулил.

Вовсе не такой результат требовался от учёных госдепартаменту США, когда из сильно прореженного войной бюджета выделяли астрономические суммы на исследования. «Лестница в небо» средней мощности, старшая сестра серого смерча, который атаковал президента, за час превращала в сухие гигиеничные мумии население города размером с Париж. От телкхассцев, чьими предками явно были инопланетные родственники гигантских кальмаров, оставались лишь сморщенные сухие шкурки.

Но «лестницы в небо» применялись не только против инопланетян. Спасения от них не было. Для наноботов самый плотный металл был всё равно что сыр с дырками. Госдепартаменту США крайне необходимы сотрудники, над которыми крохотные убийцы не были бы властны. За три месяца исследований проект сожрал столько же средств, сколько, по данным разведки, выделялось на подъём сельского хозяйства в Аргентине за год. А учёные смогли продемонстрировать только вольеры, в которых сидели лисы, медведи и волки со слишком умными для зверей глазами. Видимо, такой орешек по зубам только Химмельзону. Но норвежец категорически отказался заниматься этим проектом. Когда на него нажали, пригрозил, что уволится. И хотя уволиться из госдепартамента было не так-то просто, по крайней мере, из этого отдела, Химмельзона оставили в покое.

Впрочем, содержание добровольцев в таком виде требовало гораздо меньших затрат, чем в Сен-Квентине, где их всех и набирали. Самой дорогой частью проекта был бериллий, который требовался в жутких количествах. В остальном производство этой спецификации наноботов стоило дешевле электричества, пошедшего на освещение лабораторий научного центра.

Кайс сложно поморщился. Бериллий, проклятый бериллий…

На губах президента США вдруг заиграла улыбка.

– Он заразен? – спросил Кайс, указывая на печального волка. – Существа, которые войдут с ним в контакт, тоже изменят свой генетический код?

Бенсон поспешно кивнул. Президент буквально почувствовал, о чём он сейчас думает. Молодой учёный размышлял, согласятся ли члены Верховного суда заменить электрический стул на небольшой укольчик, хотя бы в качестве признания его научных заслуг? Когда Бенсон вспомнил о своих достижениях в области науки, дикий, животный ужас окатил его чёрной волной и вымыл из головы все мысли. Остался только сочный, с дымком запах барбекю.

Президент понял, что произошедшее – всё-таки не диверсия, а нелепая случайность. В которой, по большому счёту, виноват он сам. Кайс видел кнопку на стене, о которой сейчас бормотал Бенсон, и знал о её назначении. Но президенту США очень уж сильно хотелось увидеть, что за рояли прячут яйцеголовые в развесистых кустах своих формул.

– Вирус передаётся воздушно-капельным путём, это мы уже установили, – сказал молодой учёный.

– И вырвется волк, – нараспев произнёс Кайс.

– Никак нет, господин президент, стекло… – начал Бенсон.

– Это слова из одного примитивного стишка, претендующего на божественное откровение[1], – перебил его Кайс. – Впрочем, неважно. Вы неплохо поработали. Получилось нечто весьма неожиданное. Но даже истина – это только то, что можно использовать. Почему бы нам не найти применение этой любопытной технологии? Пройдёмте в ваш кабинет. Нам надо кое-что обсудить.

Бенсон неуверенно улыбнулся. Его смуглое лицо, ставшее от страха пепельно-серым, постепенно приобретало нормальный цвет. Он кивнул. Президент и учёный вышли в коридор.

За ними двинулась и волна запаха – едкого, вонючего запаха предсмертного пота. Дорогой костюм президента пропитался этим малоприятным амбре так, что теперь одежду оставалось только выкинуть. А уж о том, чтобы идти в этом костюме на запланированное через час совещание в Белом доме, и речи быть не могло. Но Кайса передёрнуло по другой причине. Запах напомнил президенту ту часть его жизни, с которой, как ему казалось, несколько лет назад было покончено навсегда.

– У вас нет какого-нибудь лишнего халата или комбинезона? – спросил Кайс.

– Не знаю, господин президент, сможем ли мы найти что-нибудь подходящее, – ответил Бенсон.

– Главное, чтобы размер подошёл, – сказал Кайс. – Я неприхотлив.

– Хорошо, мы постараемся что-нибудь подыскать, – ответил молодой учёный и вынул из кармана трубку внутренней связи.

Когда Бенсон объяснил клерку, что именно требуется, спутники уже подошли к кабинету молодого учёного.

– Разрешите один вопрос, господин президент, – сказал Бенсон, доставая пластиковую карточку-ключ.

– Пожалуйста, – сказал Кайс.

– Вы несомненно заразились, – произнёс Бенсон. – Но подобный исход я наблюдаю впервые. Ваш организм оказался в силах преодолеть болезнь. Это означает, что ваш генокод на редкость своеобразен, господин Кайс. Хотелось бы проследить закономерность, и тут сойдёт любая зацепка… Не встречалось ли в вашем роду каких-либо отклонений, чего-то необычного, господин президент?

Кайс глянул на него. У Бенсона почему-то закружилась голова, во рту пересохло. Он промахнулся мимо щели, в которую надо было вставить карточку. Жест получился до неприятного жалким.

– Нет, – сухо ответил Кайс.

Он вовсе не собирался водить врача по развесистым ветвям генеалогического древа, в тени которых прятался отвратительный уродец. Изъеденные язвами роговицы производили непрерывный поток слёз, но он был великим насмешником, этот монстр, одно плечо которого уверенно высилось над другим. Он всласть, до слёз похохотал над честолюбивыми планами Кайса в молодости. Уродец гордо, как какой-нибудь граф в средневековье, носил свой сложный титул – семейная дизавтономия Рейли-Дея.

Чудовище было изгнано при помощи наноботов Химмельзона. Тех самых серебристых жучков, которые, стаями вылетая из коробок, установленных в центре городов, в течение получаса превращали в беспомощных уродов даже телкхассцев, а через полчаса от всего живого оставались лишь не представляющие опасности эпидемий мумии…

Всё дело в концентрации.

Учёный наконец справился с электронным замком.

---

[1] Прорицание Вёльвы, строфа 44: «…вырвется Жадный». Имеется в виду волк Гарм, сын Локи. Как только чудовище сорвётся с привязи, начнётся последняя битва асов и ётунов, в которой асы падут.

– Да, кстати, как вы относитесь к горам, Бенсон? – спросил Кайс, когда они вошли в кабинет. – Воздух там, говорят, не в пример чище. Горные лыжи, я думаю, психологически разгружают ничуть не хуже велотренажёров… Вы любите кататься на лыжах? Так, чтоб только ветер в ушах свистел?

– Адреналина мне хватает и на работе, – угрюмо сказал Бенсон.

Кайс хохотнул:

– Да уж… А если серьёзно, Реджи?

Бенсон указал президенту на обитое кожей кресло. Кайс сел. Учёный устроился напротив в точно таком же кресле.

– Я родился в Техасе, а местность в нашем штате плоская, как стол, – пожал плечами Бенсон. – Но, пока жил в Швейцарии, поддался жестокому обаянию фрирайда. А сейчас времени ни на что не хватает, да и доску я потерял при третьем или четвёртом переезде. А к лыжам, господин президент, я как-то равнодушен…

– Дело вкуса, – сказал Кайс. – Вам предстоит небольшая командировка, Бенсон. Место чуть поближе, чем Швейцария, но для фрирайда тоже подойдёт, я думаю. Так что купите себе самую лучшую доску из этих, новых, с электронными стабилизаторами. Я не хочу, чтобы одни из самых лучших мозгов, которые мы можем себе позволить за наши деньги, размазались на каком-нибудь живописном уступе.

Кайс снова засмеялся. На этот раз молодой учёный присоединился к нему.

Леон увидел идущих к нему двух санитаров. Шерсть у него на загривке встала дыбом. Леон завыл, хлестнул себя хвостом по бокам. Эхо отразилось от стен полупустого вольера, пошло гулять по помещению.

– Тише ты, дьявол… А, чёрт!

Санитар, открывший дверь, успел отпрянуть. Зубы Леона клацнули в сантиметре от его кисти. Санитар проворно захлопнул решетчатую дверь. Закрыть на замок он не успел, просто прижал всем телом. Леон завыл – отчаянно, безнадёжно. Второй санитар с опаской посмотрел на парня, сидевшего в соседнем вольере, и сказал:

– Успокой его. Он же вроде тебя слушается.

Всего вольеров здесь было двенадцать – забранные крупноячеистыми решётками квадраты по обеим сторонам узкого прохода. С одной стороны проход кончался тупиком, а с другой стороны находился пост охраны, где сейчас сидели два охранника, и тяжёлая дверь с глазком. В помещении пахло мокрой шерстью, испражнениями и лекарствами. Десять вольеров пустовали. Не прошло и месяца, а Курт и Леон остались здесь вдвоём. Остальных, как с невыносимой корректностью выражался один из охранников, Хуан, уже «сактировали», то есть *списали по актам*. Вольер, где сидел Курт, отличался от остальных только койкой и синим бачком биотуалета в углу.

Курт поднялся, подошёл к решётке. Он посмотрел в глаза Леону. В жёлтые, слезящиеся глаза полубезумного волка.

Я НЕ ХОЧУ. Я ВСЁ ЗНАЮ, ВСЁ ПОМНЮ… Я ГОТОВ УМЕРЕТЬ, Я ВСЁ ПОНИМАЮ… НО Я БОЛЬШЕ НЕ МОГУ ТЕРПЕТЬ, КАК ОНИ ОТРЕЗАЮТ ОТ НАС ПО КУСОЧКУ!

Волк постучал по полу железной палкой с грубой имитацией ступни на конце, которой заканчивалась его передняя правая лапа.

УСПОКОЙСЯ. СЕГОДНЯ ТЫ УМРЁШЬ.

ПРАВДА?

ДА. СЕГОДНЯ – ТВОЙ ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ. ТЫ УМРЁШЬ С ЧЕСТЬЮ, КАК ПОСЛЕДНИЙ ВОИН…

А ТЫ?

Я? МНЕ ТОЖЕ НЕДОЛГО ОСТАЛОСЬ. ВСТРЕТИМСЯ В ВАЛГАЛЛЕ, ЕФРЕЙТОР ЛЕОН ШМИДТ…

Волк подошёл к двери и небрежно толкнул её мордой. Санитар, стоявший с другой стороны, упал. Второй потянулся к висевшему у него на поясе пистолету, да так и замер под взглядом холодных жёлтых глаз. Охранник привстал, стягивая с плеча автомат. Волк аккуратно переступил через тело и направился к двери, словно и не заметив угрожающей позы санитара. Железная нога стучала по полу. Миновав пост охраны, волк сел под дверью, покосился на санитаров и хрипло тявкнул. Один из них помог второму подняться, они подошли к зверю. Надели намордник, стянули шею жёстким ошейником на толстой цепи. Санитар открыл дверь, и они вывели Леона. На прощанье волк оглянулся совершенно человеческим движением – через плечо. Курт отдал ему честь резким, размашистым жестом. Дверь захлопнулась.

– А я? – спросил Курт. – Что у вас сегодня для меня?

– У тебя сегодня выходной, – ответил Хулио и сел, поставив автомат рядом. – Винченцо не приехал.

– Хочешь погулять? – спросил Хуан. – Или на спортплощадку сходить?

Курт задумался на миг.

– А здесь библиотека есть?

Пока волка распинали в зажимах стального стола, Маттео набирал жидкость в огромный шприц с толстой иглой. Стравил воздух, глянул в лежащую на столе распечатку, уточняя место инъекции. Учёный повернулся. Волк уже лежал на столе, у изголовья и у ног стояли санитары. «Ха, санитары, – подумал Маттео, глядя в совершенно пустые глаза того, кто стоял у головы волка. – Ребята польстились на прибавку к жалованью, но теперь они знают, что сидеть у пулемёта на вышке было легче». Врач трубно высморкался и подошёл к столу.

– Сегодня у нас для тебя нечто совершенно особенное, Леон, – промурлыкал он.

Волк увидел шприц и прижал уши, но не издал ни звука.

– Возьмите его за член, – распорядился врач.

Санитар запустил руку в шерсть между лапами волка. Движение челюстей мужчины, перекатывающих жвачку, оставалось таким же размеренным. Зверь взвыл.

– Но-но, – сказал Маттео, нацеливаясь. – Чем занимался твой предок, говнюк ты этакий? Можешь считать это кармической местью. Да не бойся, не серная кислота…

– Сеньор… – Санитар отшатнулся от стола и пытался ухватить волка за протез.

Но было поздно.

Волк переломил стальной стержень протеза о зажим стола, освободив культю. Зверь повернулся на бок. С душераздирающим скрежетом лопнул ещё один зажим. Что-то больно ударило врача в живот, он отлетел от стола. Перед глазами Маттео мелькнули жёлтые глаза, мощное плечо санитара. Серая шерсть мазнула по лицу. Раздался выстрел, затем ещё два. Тело у ног Маттео конвульсивно дёрнулось и затихло. На кафельном полу медленно расплывалась алая лужа.

– Вы в порядке, сеньор доктор? – спросил санитар.

Второй молча убирал пистолет в кобуру, так же размеренно продолжая жевать жвачку. Движения его челюстей гипнотизировали. «Животное, совершенное животное», – подумал врач. Затем брезгливо осмотрел свороченный стол, разбитый шприц, из которого уже вытекла сыворотка, кровь на полу, на стене, у себя на руках и на штанах санитара. Руку саднило – видимо, Маттео, падая, сильно ударился о крышку стола.

– Приберите здесь, – он поморщился. – И приведите мне другой образец.

– Это был последний из первой партии, – ответил санитар.

Маттео пожал плечами.

– Возьмите из второй.

Он двинулся к висевшей на стене раковине. Перчатка сползла с руки скользкими лохмотьями, которые стремительно окрашивались в розовое. Маттео сглотнул. «Это его кровь, – подумал он. – Здесь всё ею заляпано». Врач открыл воду, сунул руки под кран.

Струйка сбегавшей с ладоней воды покраснела. Маттео и сам уже видел неширокую, аккуратную дырку в кисти, между большим пальцем и остальной ладонью. Сзади взвизгнула молния – это санитары запаковывали труп в пластиковый мешок.

– Идите отсюда, – сказал он, не оборачиваясь.

Язык показался непривычно большим и неповоротливым. Ужас окатил Маттео жаркой волной. «Это же первый симптом», – подумал он. Врач мгновенно вспотел.

– Мы уходим, – отвечали сзади. – Уборщица сейчас придёт, замоет здесь…

– Не надо уборщицу! – взвизгнул Маттео. – Никого не надо!

Он замер, переводя дыхание. Сердце бешено колотилось в груди. «Это мог быть осколок стеклянного шприца», – подумал Маттео. Но он уже знал, что отметина на его ладони оставлена зубами волка.

– Воля ваша, сеньор, – прогудели сзади. – Так привести вам другой образец?

– Нет!

Дверь за санитарами захлопнулась. Кровь в ранке уже остановилась. Сказать по правде, она была совсем неглубокой, эта царапина от клыка. В окне, забранном лёгкой решёткой, непременным атрибутом всех окон медицинского центра, серело небо и витки колючей проволоки над забором. Человек сбежать отсюда не мог. А вот нечеловек…

Маттео покосился на свороченный стол, на пятна крови на полу. Голова у него закружилась. Только когда появились образцы второй партии, стало ясно, что первая партия находилась здесь исключительно по собственной воле, несмотря на вооружённых санитаров, зарешеченные вольеры и ток, пропущенный по колючке. Слава богу, что во второй партии ещё не появился ни один, подобный Эйхманну. Страшно даже подумать, чтобы здесь тогда произошло.

Маттео почувствовал, как что-то стекает у него по подбородку. Он машинально стёр струйку и лишь потом глянул на руку. В глазах у него потемнело. Молодой врач медленно опустился на пол. Боль запульсировала внутри него расходящимися волнами, скручивая тело Маттео от макушки до кончиков пальцев.

Карлос закрыл дверь на защёлку и огляделся. Они находились в просторной комнате, точь-в-точь напоминающей школьный класс, – коричневая доска, мел, закостеневшая тряпка и стеклянные шкафы с разноцветными моделями молекул у задней стены. Только вот парты здесь были слишком уж большого размера. Похожие мысли пришли в голову и Бенито, потому что лидер оппозиционной партии «Альтернатива за эгалитарную республику» пробормотал:

– Несмотря на решение президента о сокращении ассигнований на содержание колоний, образовательную программу в этой зоне сворачивать не стали…

– Спускайте шторы, – сказал Курт и нервным движением поправил майку.

Бретель была разорвана и всё время норовила сползти. Эухения подошла к ближайшему окну. Люсия следовала за матерью, прижимая к носу мокрый платок, с которого капали коричневые капли.

Лана задумчиво посмотрела на четыре глубокие вмятины на предплечье парня, образовывавшие собой подобие числа «88». Чуть ниже находился набор жёлтых, синих и чёрных полосочек неравной длины. «Два знака, а между ними – вся жизнь, – подумала Лана. – Раскалённым железом их клеймят, что ли?»

– Вы из Шербе? – спросила она.

Курт покосился на женщину.

– Уже нет, – сказал он. – Помогите Эухении.

Лана теперь и сама заметила чёрные тяжёлые шторы, свёрнутые в трубочки под самым потолком над каждым окном. Очевидно, в этом классе даже демонстрировали учебные фильмы.

– Зачем вы хотите задёрнуть окно? – спросил Бенито.

– Посмотрим, не затаился ли кто-нибудь здесь, – ответил Курт. – Этих тварей не видно на свету.

– Как это? – изумился Карлос. – Те, что напали на нас в столовой, не показались мне прозрачными.

Хуан вытер вспотевшую лысину крупным носовым платком в легкомысленных цветочках. Внимание Ланы привлекла крупная родинка на затылке охранника, похожая на кляксу. Охранник обернулся, заметил взгляд Ланы и сказал, оправдываясь:

– Это мне дочь подарила, она…

– Да мне-то что, – пожала плечами Лана.

Она направилась ко второму окну и рассеянно остановилась у него. Отсюда открывался вид на спортивную площадку. Футбольное поле отделено от административного корпуса высоким сетчатым забором. Сначала Лане показалось, что слева, между двумя покрышками, обозначавшими ворота, лежит сломанный гигантский кактус с мясистым алым цветком на макушке. В следующий миг она поняла, что это такое, и её чуть не вырвало.

– Они не прозрачные, – сказал Курт и заглянул под парту. – Они пользуются чем-то вроде гипноза, я думаю. А в темноте гипнотизировать трудней.

Хуан вздрогнул, неловко перекрестился – ему мешал висевший на груди автомат, с которым он не расстался вопреки судьбе.

– Дёрни за верёвочку, дверь и откроется, – пробормотала Лана себе под нос.

Она потянула за свисавшую с карниза петлю. Чёрное полотнище размоталось с тихим шелестом, и половина класса погрузилась в реденький сумрак. Эухения всё ещё возилась со своей шторой. Люсия засунула в рот угол платка и начала его сосать.

– Какая вкусная водичка, мама, – сказала девочка.

– Прекрати, – резко одёрнула её мать.

Люсия надулась.

– Когда мы отсюда выберемся, я куплю тебе большой-пребольшой стакан лимонада, – пообещала Эухения мягко. – А сейчас не высасывай его, ладно? Только дыши через платочек.

Люсия кивнула. Мать взяла её на руки. Курт ткнул в пустоту под партой автоматом, поводил им в воздухе и двинулся к следующей, где повторил в точности такую же процедуру. Лана отошла от окна, села на край учительского стола и начала болтать ногой в воздухе. Курт добрался до конца ряда парт и направился к соседнему. Лане наконец удалось разглядеть своего спасителя. Ничего романтичного в нём не обнаружилось. Высокий, худой, весь под кожей перекрученный жилами и какой-то недоделанный. Бритый налысо, но брови белёсые – блондин.

Лана отвела глаза.

Гепарды тоже кажутся драными кошками, когда сидят в вольере.

Лана опрометчиво встала рядом с оператором нового деревообрабатывающего станка, и заключённый запорол три детали подряд. Лана поняла, что зря надела в инспекционный рейд юбку. Когда же делегация во главе с начальником колонии вошла в столовую, стук ложек по алюминиевым мискам прекратился. Пока пятьсот мужчин в зелёных ватниках смотрели на неё в полной тишине, Лана испытала удушающий приступ ненависти к Бенито. Умберто, начальник колонии строгого режима, настойчиво предлагал визитёрам отобедать в его личном кабинете. Никто, кроме Бенито, лидера оппозиционной партии «Альтернатива за эгалитарную республику», не возражал. Но Бенито упёрся и заявил, что если ему не дадут попробовать той же

еды, которой питаются заключённые, то на заседании парламентской комиссии он официально заявит, что «процветающие» колонии – пропагандистский миф. Оппозиция при каждом удобном случае выла об антинародной политике нового правительства и свёртывании социальных программ, хотя после перевода исправительных учреждений на самообеспечение при многих тюрьмах были созданы промышленные цеха, где заключённый мог заработать некоторое количество денег – и жить на них после освобождения. Отсылки к статистике и русскому философу, более века назад призывавшему к лечению трудом, не помогали. Президент Александр разрешил Бенито, а также Иеронимо, представителю старейшей демократической партии «Гражданский радикальный союз», посетить ближайшую к новой столице колонию, до которой рукой подать – надо только переехать мост через Рио-Негро и миновать сонный городок Кармен-де-Патагонес. Лана сопровождала политиков во время этого визита как помощник президента по связям с общественностью. На КПП колонии их встретил Карлос, старый друг Ланы и независимый, но обаятельный журналист. На вопрос, как он узнал о планируемом визите, Карлос только улыбнулся. Бенито его терпеть не мог, и именно поэтому Лана согласилась взять журналиста с собой.

– Продолжать обедать! – рявкнул начальник колонии.

Он провёл гостей к столику в дальнем углу зала, между красно-белым автоматом с лимонадом и раздаточным окошком. Там Умберто предложил им располагаться и подождать, пока принесут суп и второе. Бенито решительно хотел проверить, что им нальют именно из общего котла, и Умберто пришлось сопровождать его в кухню. Рвение Бенито имело под собой корни, весьма далёкие от заботы о полноценном питании заключённых.

На последнем телевизионном «круглом столе», где обсуждался в том числе и вопрос содержания тюрем, Бенито бросил Александру в лицо: «Где-то мы уже слышали, что Arbeit macht frei… Ваш духовный предшественник дал приют этим выродкам на нашей земле, а вы и вовсе подчиняетесь голосам из Шербе!» «Я подчиняюсь только народу, избравшему меня, – невозмутимо парировал Александр. – А если у вас проблемы с голосами в голове, то разбираться с этим должен психиатр, а не президент». Теледебаты транслировались на всю страну, и рейтинг партии Бенито съехал с очень крутой горки.

– Зря Бенито кипешится, – сказал Карлос.

Он поправил цветок в пластиковой вазочке посредине стола.

– Я помню, что здесь было раньше, – продолжал он. – Небо и земля…

– Вы здесь бывали? – с интересом спросил Иеронимо.

– Пятнадцать лет назад здесь была колония для несовершеннолетних, – спокойно кивнул Карлос. – Ланочка, когда ты так долго молчишь, мне становится страшно… Скажи что-нибудь.

– Лучше бы мы пошли в корпус «F», – процедила сквозь зубы Лана. – У меня ещё в цеху юбка от взглядов засалилась, а сейчас мне кажется, что по мне стекают потоки виртуальной спермы…

В том, что вместо заявленного в документах «медицинско-исследовательского центра» гостям пришлось посетить деревообрабатывающий цех, был тоже виноват Бенито. У Ланы и Иеронимо давно оформлен допуск к материалам третьего уровня секретности, у Карлоса обнаружилось журналистское разрешение на второй уровень. Умберто был готов сделать вид, что просто ошибся при подсчёте количества палочек в римской цифре. А вот Бенито, как выяснилось, за четыре года активной политической деятельности не удосужился подать бумаги, необходимые для оформления допуска хотя бы к первому уровню секретности.

– Ничего, наша культурная программа подходит к концу, – хмыкнул Карлос. – Вот сейчас баланды похлебаем и поедем.

– По-моему, мы ещё должны присутствовать на концерте рок-группы заключённых, – заметил Иеронимо.

– К чертям концерты, – сказала Лана решительно. – Я уезжаю домой сразу после обеда.

– Подбросишь меня до Вьедмы? – спросил Карлос.

Лана кивнула.

Её внимание привлёк парень в грязной майке и поношенных штанах цвета хаки, сидевший за соседним столом. Его одежда не походила ни на униформу заключённого, ни на обмундирование служащих колонии, а других людей в столовой не могло быть просто по определению. С обоих концов стола нависало по охраннику. Они бдительно следили за тем, как парень ест. Иеронимо тоже обратил внимание на удивительного заключённого.

– Карлос, посмотрите вон на того прелюбопытнейшего субъекта, – сказал демократ журналисту. – В этом парне есть что-то очень неправильное, вы не находите?

– Да, действительно странно, – заметил Карлос. – Он сидит за столом, рассчитанном на восьмерых, совершенно один.

– Может, это родственник Умберто? – предположил Иеронимо. – Что охраняем, то и имеем?

– Не похоже, – покачал головой журналист.

Словно услышав, что речь о нём, парень посмотрел на гостей. Он вдруг клюнул носом вперёд и схватился за голову обеими руками. С кухни донесся пронзительный женский визг. Что-то громко зашипело.

– Похоже, наш Бенито перестарался, – усмехнулся Карлос.

Из дверей кухни появились люди в серых и чёрных меховых куртках, в грубо сделанных масках волков и лис. «Что за нелепый маскарад», – подумала Лана.

И вдруг она поняла, что это не маскарад. Мозг услужливо свёл увиденное к реалистическому минимуму. Но в столовую действительно ворвались волки, лисы и медведи. Они действовали слишком слаженно для диких зверей.

Странный заключённый обернулся и тоже увидел вошедших. Он протянул руку и налил себе кофе из алюминиевого кофейника. Лана услышала, как брякнула цепь, которой посуда была прикреплена к подносу.

Мир вокруг превратился в мешанину серых, чёрных и зелёных мазков. И на этом полотне безумного импрессиониста то тут, то там раскрывались алые цветы. Реальность быстрым скачком сузилась до размеров клыкастой вонючей пасти. Лана ударила коленом в мягкое. Чудовище прихватило её зубами за плечо и стиснуло так, что у Ланы потемнело в глазах. Лапы разжались, а на бедро ей хлынуло что-то горячее. Лана с яростью посмотрела вниз. Кровь хлестала из распоротого брюха чудовища прямо на руку Карлоса с ножом. Журналист обхватил её за талию и затащил под стол.

– Ты что, всегда с ножом ходишь? Как же ты пронёс его мимо охраны? – хохоча, спросила Лана.

В столовой стоял такой вой и грохот, что голос можно было не понижать.

– Обижаешь, Лана, – улыбнулся журналист.

Под стол сунулось огромное свиное рыло. Лана заехала ногой по пятачку. Кабан кинулся наутёк. За крышку стола уцепились огромные чёрные когти. Стол взмыл в воздух. Медведь неодобрительно глянул на людей. А потом вокруг стало очень много шерсти. Вонючей, мокрой шерсти. Зверь развернул женщину спиной к себе. Лана рванулась вперёд – быть насаженной на этот кол ей совсем не хотелось. Монстр рыкнул и сжал её плечо. Раздался оглушительный хлопок. Медведь отпустил женщину, осел назад.

Лана подняла глаза. Перед ней стоял тот самый любитель кофе. В одной руке он держал автомат, а вторую протягивал ей. У Ланы перехватило дыхание от ужаса и отвращения. Его рука по самое плечо была в бело-розовых ошмётках. С пальцев капала кровь. Заключённый вздохнул и вытер руку о штаны.

– А так? – спросил он.

На этот раз Лана не раздумывая вцепилась в кисть, всё ещё порядком скользкую. Парень сильно дёрнул и вытащил женщину из-под трупа монстра. Лана хотела выпрямиться, зацепилась ногой за лапу и упала. Заключённый подхватил её свободной рукой. Лана уткнулась носом прямо ему в грудь.

– Ты бывала на «лестницах в небо»? – спросил он, увидев шрамы на её ушах.

– Да, – пробормотала Лана.

– Курт, – раздалось откуда-то с пола. – Курт…

Лана отстранилась и поправила сбившиеся волосы так, чтобы прикрыть уши. Курт направился к куче мохнатых тел – она образовалась на месте того стола, за которым он обедал. Лана огляделась, ища Карлоса и Иеронимо. Столовая выглядела примерно так же, как Гоморра утром следующего дня после того, как её покинула семья Лота. Однако мёртвых людей на поле битвы осталось не так много.

– Куда же делись люди? – задумчиво произнесла она.

– Они увели их с собой, – сказал Курт и обратился к погребённому под трупами охраннику: – Брось автомат, Хуан, с ним ты не вылезешь, зацепился за что-то…

– Карлос! – крикнула Лана, не обнаружив в поле зрения никаких частей тела, которые могли бы принадлежать журналисту. – Иеронимо!

– Я не могу, – прохрипели из-под трупов. – Это же табельное оружие…

– Я здесь, – раздался голос журналиста за спиной Ланы.

Она повернулась и увидела Карлоса. С левой стороны его носа наливалась огромная слива. Карман пиджака, вырванный с мясом, висел на каких-то нитках. Грудь журналиста украшала смазанная кровавая пятерня.

– Похоже, что рок-концерт на сегодня отменяется, – сказал Карлос бодро. – Или это он был? Оригинальное звучание, ничего не скажешь…

Лана засмеялась и обняла его. Раздался звук, с которым пробка вылетает из бутылки, – Курт выдернул-таки Хуана из-под тел вместе с автоматом. Они подошли к Лане и журналисту.

– Слышь, ты, фанат тяжёлого рока, – сказал Курт, – нацеди-ка лимонаду. И струю сделай посильнее, чтобы пузырьков побольше было.

– Сам нацеди, коли охота, – сказал Карлос.

– Это не мне, – сказал Курт. – Это тебе.

– Я уж сам решу, когда и что мне пить, – заметил Карлос.

Курту надоело препираться. Он закинул автомат за спину и мгновенно оказался рядом с журналистом. Он сильно ударил Карлоса под дых. Тот согнулся. Курт схватил Карлоса за волосы, подставил лицо под кран и открыл его.

– Прекрати! – завопила Лана.

Она бросилась к журналисту, но Хуан поймал её за плечо.

– Тихо, сеньорита, – сказал он.

Лана увидела следы зубов на его волосатой руке. Кровь ещё не запеклась, и, когда охранник напрягся, выплеснулась из круглых ранок.

Коричневые струйки текли по лицу Карлоса и забирались за воротник. Журналист хрипел и отплёвывался. Наконец Курт решил, что достаточно, и отпустил его.

– Умойся, – Курт кивнул на чудом уцелевший у стены питьевой фонтанчик.

На этот раз Карлос не стал спорить. Ходить в липкой корке ему совершенно не хотелось. Пока он плескался, Курт вытянул из стаканчика на агрегате пару красно-белых соломинок и убрал в карман штанов.

– Мама, роди меня обратно, – вдруг сказал он с неподдельным изумлением в голосе. – Это ещё кто?

Лана заметила на пороге кухни маленькую, не старше трёх лет девочку в синеньком платьице с кокетливыми кружевами, хорошенькую как куколка. Личико девочки сморщилось, и она заплакала навзрыд.

– Да откуда она взялась? – спросил Курт.

– Это дочка Эухении, нашей поварихи, – сказал Хуан. – Люсия, ты почему здесь?

Та в ответ на его слова расплакалась ещё горше.

– Видимо, не с кем было оставить, – заметила Лана.

– Чёрт, – сказал Карлос, – в кухне же Бенито был…

– Так, ты умывайся давай, – сказал Курт журналисту. – Тщательнее. А ты, Хуан, дуй в кухню, проверь, может, там и остался кто живой. Респиратор только свой отдай Карлосу.

– Я с тобой не спорю, Курт, но ты хоть скажи, зачем, – пробормотал охранник.

– А чтобы он в такое же дерьмо не превратился, – ответил тот и небрежно махнул рукой в сторону убитых монстров.

Хуан побледнел и шумно вздохнул. Карлос уже вытирался бумажными полотенцами. Услышав слова Курта, журналист вздрогнул и начал тереть кожу так, словно хотел содрать её. Дешёвая серая бумага расплылась под его пальцами. Карлос яростно потянул из держателя на стене следующую порцию.

– А почему вы мне не предлагаете? – спросила Лана.

Курт покосился на неё:

– А вам ни к чему. Он же вас укусил. Теперь как повезёт. Но если вы умоетесь, вреда от этого не будет. А пользы может оказаться очень много.

Лана молча подошла к агрегату с красно-белыми полосами на боках и нажала кран.

– Курт, – подал голос Хуан. – Можно и я…

– Можно.

Когда она плеснула горсть белых пузырьков себе на плечо, рану неприятно защипало.

– Что ты всё под партами шаришь? Ведь уже задёрнули всё, и никого не видно, – раздражённо сказал Бенито. – У тебя что, мания преследования?

Сидевший на корточках около парты Курт поднял голову и сказал:

– Угадал, остряк.

Он произнёс это очень спокойно, но Лана тут же ему поверила. Карлос хохотнул. Через респиратор это прозвучало так, словно в кастрюле булькал суп.

– Только этого нам и не хватало до полного счастья, – сказал Карлос.

– Лучше бы у тебя была мания величия, – пробормотала Лана.

– Одно без другого не бывает, – заметил Курт.

– Я ещё не сошла с ума, чтобы с тобой спорить, – сказала Лана вежливо.

Курт вздыбился, как богомол. Люсия пискнула и спряталась за мать.

– Не подкалывай меня, – Курт пусто и страшно смотрел сквозь Лану. – Поняла?

Лана смерила его независимым взглядом. Хуан, чувствуя, что сейчас с её языка сорвётся какая-нибудь гадость и всё окончательно пойдёт вразнос, поспешно сказал:

– Не обращай на неё внимания, Курт. Бабы, что с них взять.

Лана испытала нечто, напоминающее короткий укол совести. «Чёрт, – подумала она, – мало ли, ЧТО он сейчас видит, но ведь старается, держит себя в руках».

– Давай договоримся, – мягко продолжал Хуан. – Если захочешь пострелять, Курт, предупреди нас сначала, ладно? Просто предупреди.

– Ладно, – угрюмо ответил Курт.

Парень похлопал себя по многочисленным карманам и извлёк пакет с чем-то белым. Следом появилось круглое металлическое зеркальце. Курт сел за парту, положил зеркальце перед собой. Смущался он при этом не больше, чем если бы перевязывал распустившийся шнурок на ботинке.

– Карлос, дай свой ножик, – попросил он.

– Лови, – усмехнулся журналист.

Курт резко вскинул голову. Карлос, который вовсе не собирался кидать нож и как раз протягивал его, пошатнулся.

– Ты так больше не шути, – мрачно сказал Курт и взял нож из его рук.

– Мама, что дядя делает? – спросила Люсия.

Эухения прижала её к себе.

– Не надо смотреть на это, – сказала она.

Голос её из-под респиратора звучал глухо. Курт отдал поварихе свой респиратор, когда Хуан вытащил женщину из-под обломков плиты. Лана ещё тогда задумалась, зачем и заключённым, и охранникам в этой зоне выдают респираторы, но манеры Курта не располагали к расспросам.

– Пойдём, лучше в окошечко поглядим, – предложила Эухения дочери.

– Только по пояс не высовывайтесь, – сказал Курт.

Он разровнял порошок, вытащил красно-белую соломинку, приложил её к ноздре и нагнулся.

– А-а-а… Мама, роди меня обратно, – всхлипнул он, выпрямляясь.

Остальные подавленно молчали. Вдруг он вскинул автомат. Лана проворно спрыгнула на пол, уходя с линии огня.

– Курт, мы договорились! – закричал Хуан.

– Там он, там! – рявкнул Курт, указывая в противоположный угол класса. – Отойдите!

– Он совсем рехнулся! – завопил Бенито.

Место, на которое указывал Курт после того, как шторы были задёрнуты, стало самым тёмным во всем помещении.

– Надо дать ему по башке и отобрать автомат, пока он нас не перестрелял! – прокричал Бенито, лидер либеральной оппозиции.

Чёрное дуло плюнулось огнём. Лана зажала уши. Раздался страшный грохот, усиленный стенами класса, с потолка посыпалась штукатурка. Люсия закричала. Потрясённая Лана увидела, как из пустоты в углу брызнула кровь, а затем резко проступили очертания странного тела. Курт перестал стрелять. Карлос осторожно приблизился к трупу, пнул его ногой.

– Готов, – заключил он. – Смотрите-ка, этот какой-то другой. На козла смахивает.

– А вы молодец, Курт, – сказал Бенито. – Извините меня.

– Засуньте себе в задницу свои извинения, – ответил тот.

Лана поднялась на ноги, отряхнула юбку и пробормотала:

– «Я же говорил вам, что это русский танк, а вы всё – глюк, глюк…»

Курт неожиданно засмеялся. Лана покосилась на него и невольно улыбнулась тоже. Неожиданно она поняла, что Курт намного моложе, чем выглядит.

– Bist du aus Scherbe auch? – спросил он.

Лана отрицательно покачала головой.

– Я из того самого танка, – ответила она.

– Так у вас тут недавно праздник был, – усмехнулся Курт.

– А у вас, я так понимаю, этот день – до сих пор день национального траура? – вежливо осведомилась Лана.

– Мне на это давно насрать, – пожал плечами парень.

– Мама, смотри, там люди и страшные дяди! – закричала Люсия.

Улыбка исчезла с лица Курта.

– Отойти от окна! – рявкнул он.

Эухения попятилась.

– Пойдём поиграем, милая, – она потащила дочь к шкафу.

Курт покосился на изуродованное тело в углу и пробормотал:

– Так вот кому он сигналил…

– Он подал своим товарищам какой-то знак? – с интересом спросил Карлос. – И вы его по этому знаку и засекли?

– Да, – сказал Курт устало.

Карлос перевёл взгляд с трупа на окно и обратно на Курта. Лана восхитилась – она и не думала, что эта кудрявая голова снабжена таким мощным процессором.

– Разрешите мне всё-таки посмотреть, – попросил Карлос. – У меня ведь такая профессия.

– Только не фотографируйте, знаю я вас, – хмуро ответил Курт.

– Не беспокойтесь, – заверил тот парня и протиснулся к окну.

Лана последовала за Карлосом. Подбадривая людей пинками, карикатурные фигуры с автоматами в руках загоняли их на футбольное поле. Большая часть людей носила зелёные ватники арестантов, но некоторые были в белых халатах. Так же среди пленных оказались несколько человек в гражданском платье. Среди чудовищ Лана насчитала трёх «волков», двух «лисиц» со слезящимися глазами и одного «кабана». Увидев свёрнутый набок пятачок, Лана поняла, что это те же самые, что напали на столовую.

– Смотрите, это же Иеронимо! – воскликнул Бенито.

Лана и не заметила, как он подошёл к ним.

– Надо его освободить! – продолжал Бенито.

– Не городите чепухи, – сказал Хуан. – У нас два автомата на четверых, с нами две бабы и ребёнок. А у меня магазин почти пустой. Самим бы уйти…

«Кабан» ударил клыками под коленки ближайшему человеку, полному мужчине с окровавленным лицом, одетому в рваный белый халат. Человек упал. «Волки» и «лисицы» засуетились. Поднимая к небу вытянутые морды, они открывали и закрывали их. Отрывистый лай доносился даже через стекло. Монстры явно пытались дать людям какие-то команды. Наконец до пленников дошло, чего от них хотят. Люди начали садиться на землю.

– Что они делают? – спросил Карлос.

– Они заставили людей сесть? – лениво поинтересовался Курт.

– Да.

– Сейчас будут обращаться, – Курт вытащил из кармана пачку сигарет. – Эта музыка на полчаса, не меньше. Переждём и пойдём дальше.

– Можно подумать, вы это уже видели, – нервно сказал Бенито.

– Видел, – безразлично ответил Курт. – Хуан, дай прикурить, я свою зажигалку посеял где-то…

Охранник подошёл к нему. Парень склонился над пламенем зажигалки.

– Чего у тебя руки трясутся, не опохмелился, что ли? – сказал Курт недовольно.

По людям на футбольном поле пробежала волна боли. Кто-то схватился руками за голову, кто-то, скрючившись, катался по грязной траве. Иеронимо, отказавшийся сесть, пустился в пляс. Он судорожно дёргал конечностями, неестественно выгибая их, словно механический паук, в котором что-то разладилось. Огромный механический паук в твидовом деловом костюме.

Лана передёрнула плечами и отошла от окна.

По классу медленно плыли колечки вонючего дыма от дешёвых сигарет Курта. Тихо смеялась Люсия, собирая из обучающего конструктора молекулы самых невообразимых веществ.

На футбольном поле перед зданием администрации колонии обращались монстры.

Генерал Рамирес нажал «пуск», и на экране старенького визора появилась комната с обшарпанными стенами. В стене напротив было видно окно с мощной решёткой. Свет солнца, рассеченный на квадраты, лежал на столе в центре комнаты, словно скатерть в жёлто-коричневую клетку. За столом сидели двое мужчин, один в форме офицера внутренних войск Аргентины, другой в брюках цвета хаки и рубашке без погон. Нижнюю часть кадра занимал чей-то жирный бритый затылок с тёмно-фиолетовой родинкой, походившей на медузу. Александр решил, что камера установлена прямо над головой охранника, возможно, в вентиляционной шахте.

– Назовите своё имя, звание и должность, – сказал офицер.

– Курт Эйхманн. Последнее звание, которое я носил, – по-моему, лейтенант Объединённых Космических Сил Южной Америки, стрелок-наводчик.

– А до этого, позвольте узнать, чем вы занимались?

– Не позволю.

– Эйхманн, вы же не в детском саду. Ваш биометрический паспорт у нас есть. Вы профессиональный снайпер. Ваша «Дикая команда» числится в списке самых высокооплачиваемых наёмников. Вы знаете, что наёмничество считается военным преступлением, за которое полагается смертная казнь. И в ваших интересах отвечать на мои вопросы чётко и ясно, потому что мы можем выдать вас и ваших ребят международному суду ООН. По моему личному мнению, ничего другого вы не заслуживаете, как, впрочем, и ваши предки. У вас что, семейная традиция – так доставать человечество, что только международный суд может вас успокоить?

– Выдавайте кому хотите, хоть всемирному трибуналу в Гааге. Впрочем, я сомневаюсь, что вы на это пойдёте. Моего деда, между прочим, никто не судил, никаким судом – его просто выкрали посреди бела дня и вздёрнули, хотя в той стране в то время был мораторий на смертную казнь. Но как бы там ни было, чем бы ни занимались мои предки, это не основание ставить меня на одну ступень с ними.

– Бросьте, Эйхманн, яблоко от яблони недалеко падает. Ваш дед скрещивал еврейских женщин с немецкими овчарками, а вы…

– Из какого класса церковно-приходской школы вас исключили? – перебил его Курт. – Явно до того, как начали проходить вторую мировую! Моя фамилия Эйхманн, а не Менгеле!

– Нашёл, чем гордиться…

Курт лучезарно улыбнулся:

– Так, мне это надоело.

Он рванулся вперёд так быстро, что камера передала лишь расплывчатую тень. Из серого пятна на миг показались худые руки в наручниках. Они опустились на затылок допрашивающего с отчётливым хрустом. Эйхманн схватил стол за края – раздался надсадный треск – и с грохотом опрокинул его на офицера.

– А почему это у вас столы в помещениях для допросов не прикручены к полу? – спросил Александр.

– В том-то всё и дело, что прикручены, господин президент, – тихо ответил Рамирес.

– …*auf Schwanz!* – рявкнул Курт.

– Что он такое говорит? – с живым интересом спросил Александр. – Мигель, вы у нас шпрехаете по-немецки, как по-испански…

Секретарь не был готов к такому вопросу.

– Э-э-э, – пробормотал он. – Ну…

– В этих пределах я тоже знаком с немецким. И насколько я помню, – сказал Рамирес спокойно, – к генетике это не имеет отношения.

– Ну… – сказал Мигель. – Только если самое опосредованное…

Бритый затылок с крупными каплями пота на нём заполнил собой весь экран, а затем его перечеркнул чёрный толстый штрих – охранник замахивался дубинкой. Визор на короткий

миг погас, а затем пошла следующая запись. Курт на этот раз оказался у окна, скрученный в три погибели и прикованный наручниками к батарее. Правая сторона лица Эйхманна была чёрно-фиолетового цвета, и глаза там не просматривалось. В кабинет вошёл офицер. Александр отметил про себя, что это уже другой – темноглазый спокойный крепыш лет сорока.

– Теперь вести беседу буду я, – сказал вошедший. – Меня зовут Рамон.

– Как зовут меня, вы знаете. Извините, что сорвался, – произнёс Курт мрачно. – Я уже три дня без кокса. Я просил, но мне…

Офицер выложил на стол пакетик с белым порошком. Эйхманн изменился в лице.

– Так, – сказал он сквозь зубы. – Теперь мне будет намного сложнее.

– Вы знаете, мы, хотя говорим по-испански, всё-таки не инквизиторы, – ответил Рамон. – Если вам так нужно – пожалуйста, примите, я подожду. Мне как раз надо переписать одну… протокол одного допроса.

– Как я, интересно, приму, если я скован по рукам и по ногам?

– Если вы обещаете больше не выкидывать фортелей, я прикажу освободить вас. Но если вы меня обманете, разговаривать с вами по-хорошему, скорее всего, больше никто не будет.

– Понятно, – сказал Курт. – Старая игра «злой коп – добрый коп». Хорошо, я обещаю.

Рамон покосился в камеру. Её заслонила широкая спина охранника, который шёл к Эйхманну. Солдат снял с арестованного наручники. Курт с наслаждением потянулся, затем подошёл к столу и взял пакетик. Повернувшись спиной, Эйхманн произвёл на подоконнике необходимые манипуляции, потом сел на пол рядом с батареей и закурил. Курт закрыл глаза. Лицо его приобрело бессмысленно-счастливое выражение. Смотреть на Эйхманна было неприятно. Костистый и нескладный пленный напоминал чучело, которое истрепалось настолько, что его уже сняли с огорода. Рамон стал что-то переписывать с листков, которые разложил перед собой, в толстую клеёнчатую тетрадь.

– Кстати, в следующий раз вы не могли бы обойтись метадоном? – спросил он.

– Не могли бы.

– У вас очень дорогие привычки, Эйхманн.

– Я и сам недёшев…

– Да, меня вот тоже интересует, на какие деньги приобретён кокаин? – спросил Александр. – Неужели выделяемых из бюджета денег достаточно, чтобы…

– Недавно раскрыли целую сеть колумбийских драгдилеров, – быстро произнёс генерал Рамирес. – И ребята из управления по борьбе с оборотом наркотиков предоставляют нам кокаин совершенно бесплатно…

– Ясно… – усмехнулся Александр.

– Вы пишите протоколы допросов вручную?

– И не говорите, прямо каменный век. Хорошо хоть, не гусиными перьями.

Курт неожиданно ясным взглядом посмотрел прямо в камеру, усмехнулся и чуть помахал рукой.

– Он догадался, что всё это маскарад! Что его снимают! – воскликнул Александр.

– Ну, что вы хотите, – буркнул Рамирес. – Эйхманн, конечно, подонок, но он всё-таки профессионал…

Курт вернулся за стол.

– Ну, вы успокоились? – спросил Рамон. – Можете продолжать беседу?

– Да я спокоен, как могила, – Эйхманн картинно зевнул. – Но если вы тоже намерены обсуждать моих предков…

– Нет, не намерен. Где вы служили?

– В космических погранцах. Эти ребята рассекают в стратосфере в консервных банках, которым давно пора в утиль. Лишь благодаря им вы до сих пор не вкалываете на плантациях серайи двенадцать часов в сутки под бдительным надзором телкхассцев.

– Я знаю, Эйхманн, кто такие космические пограничники, и в ваших объяснениях не нуждаюсь. Мы проверили по базе – вы действительно служили в Объединённых Космических Силах. Но вы и ваши террористы занесены в список пропавших без вести два года назад, после нападения телкхассцев на лунную базу Аделаида. Вы были в плену?

– Да. Вы же видели клейма.

– А вы можете объяснить, каким образом неделю назад вы оказались в непосредственной близости от нашей земной государственной границы? И что вы можете сказать о пятнадцати трупах, прямо на которых вы и ваши люди были арестованы?

– Эти люди, штатники, выкупили нас у телкхассцев. Последние полгода они держали нас на своей базе, по другую сторону Анд.

– Позвольте спросить, с какой целью?

– Штатники разрабатывали новый вирус, превращающий человека в хищную, но совершенно безмозглую тварь. Действует на клеточном уровне. Инкубационный период длится примерно неделю. Когда им это удалось, нас заразили, накачали психотропным и повели через границу. Штатники хотели доставить нас в Шербе, чтобы мы там всех перезаражали и чтобы мои бывшие соплеменники, потеряв человеческий облик, напали на мирное население.

– Каким способом передаётся болезнь?

– Как насморк. Так вот, восстание в Шербе позволило бы штатникам ввести сюда «корпус миротворцев» и сместить президента Александра. Вы же знаете, что он в контрах со штатниками. Он их выпер из…

– Понятно. Но почему вы воспротивились этому? Вы ведь, насколько я заключил из ваших слов, уже были заражены? Что вы-то теряли?

– Видите ли, мне решительно нечего делать в Шербе. Пять лет назад я бежал оттуда…

– Ах вот как…

– Да. Я убил троих человек. У нас тоже есть свои законы. Судьи иногда бывают такими юмористами… Ещё когда я жил там, у нас одного парня сварили в кипящем масле. Я не стал дожидаться очередного всплеска фантазии у судей. И у всех моих ребят схожие проблемы.

– И кого вы убили, или вы мне этого не скажете?

– Почему же, скажу. Тогдашнего руководителя крепости Дитриха Руделя, его телохранителя Герхарда Фьесса и секретаря Поля Шеффера.

– Позвольте узнать, за что вы их убили?

– Вас это не касается.

– Этого так и не удалось выяснить? – спросил Александр.

– Удалось, господин президент, – ответил секретарь.

– Ну так не молчите, Мигель. Остановите запись, Рамирес, послушаем.

– Идеология нацеливает нацистов исключительно на деторождение, на репродуктивные отношения, но вы же знаете, мораль для масс и мораль для элиты обычно разительно различается. Бонзы Шербе… – Секретарь замялся, но продолжил: – В общем, Рудель вместе с ближайшими товарищами по партии нашёл себе такую забаву – они брали мальчиков, ну, не то чтобы совсем детей, но подростков, и… в общем, живыми этих ребят больше никто не видел.

Александр сплюнул.

– Какая дрянь. И долго они так развлекались?

– Точно известно, что погибло восемь мальчиков.

– Что же было потом?

– Девятым как раз и был Курт Эйхманн.

– Я сейчас заплачу, – саркастически сказал Александр.

– Господин президент, у Эйхманна были основания поступить так, как он поступил, – заметил Винченцо.

– Бросьте, Паоло, – сморщился президент. – Идею, что все преступники – несчастные жертвы обстоятельств, происхождения и окружения, придумали они сами, чтобы требовать снисхождения к своим поступкам. Ничем они не отличаются от наших профессиональных безработных, которые живут на социальное пособие и в ответ на требование кураторов найти себе работу начинают рассказывать, сколько раз их в детстве ударили головой об косяк…

– Но Эйхманна-то – не головой и, извините, не об косяк, – сказал Рамирес.

– Да я не об этом, – возразил Александр. – У него были причины прикончить тех троих; но потом Эйхманн вошёл во вкус, как я погляжу… Давайте вернёмся к записи.

– Ну, не касается так не касается, – сказал Рамон. – Но я-то, собственно, спрашивал о другом. Вы говорите, что вы были заражены и что вас накачали психотропным. Но, во-первых, указанный вами инкубационный срок уже прошёл, а вы всё ещё в человеческом облике. Во-вторых, почему на вас не подействовали наркотики? Я видел, что вы сделали с теми, кто вёл вас в Шербе…

– Я-то пока внешне похож на человека, но вы сами знаете, во что превратились мои ребята… Но меня они всё ещё слушаются… в некоторой мере.

– Так это началось ещё тогда! – воскликнул Александр. – И вы молчали, Винченцо!

– Господин президент, не хотелось вас пугать… – пробормотал учёный. – Если бы факты стали известны широкой общественности, то последствия были бы ужасны… Мы рассчитывали поподробнее изучить этот феномен…

– Напишите об этом статью, – ядовито сказал президент. – Прогремите на весь учёный мир.

– Я думаю, – продолжал Курт, – что до сих пор сохранил человеческий облик потому, что отношусь к группе А по качеству генетического материала, а мои товарищи были из теста попроще. И психотропное на меня не подействовало именно поэтому.

– Что это за группа А?

– Генетические комбинации делятся по качеству. Я начну с низких показателей. Например, из тысячи детей с генами группы G семеро будут с врождёнными дефектами. Никто не сможет предсказать, с какими именно, но то, что они будут, – это непреложно. В вашей стране, например, генетические комбинации держатся на уровне D – то есть четыре-пять генетически порченных детей на тысячу новорождённых[2].

– А вы, значит…

– Да. Группа А – это один неполноценный ребёнок на две тысячи новорождённых.

– Эйхманн, да вы почти что бог, я погляжу.

– Ну, я не бессмертен, если вы об этом.

– Давайте подытожим. Вы утверждаете, что штатники выкупили вас у телкхассцев…

– Как фамилия этого вашего офицера? – спросил Александр. – Он умён и заслуживает поощрения.

– Это не мой офицер, – ответил Рамирес.

– Гонзалес его фамилия, – пробормотал Винченцо.

– …для того, чтобы заразить вас жуткой болезнью и таким образом спровоцировать на территории нашей страны гражданские беспорядки. А самим прибыть тут как тут в качестве смелых освободителей, единственных борцов с заразой, и заодно перетрясти наш государственный строй.

– Да. Штатники хотели свалить всё на телкхассцев, как я уже говорил. На мне и моих ребятах остались клейма военнопленных.

Рамон покачал головой.

[2] Здесь и далее за Курта Эйхманна иногда говорил Deathwisher.

– Вы не объективны, Эйхманн. Вот вы, например, верите в то, что одна нация лучше другой, а штатники верят только в себя и в наличные деньги. Но они не безумны…

– Вы хотите сказать «в отличие от меня»…

– Я этого не говорил, Эйхманн. Вы производите на меня впечатление вполне здравого человека, хотя то, что вы говорите, действительно невозможно. И эту загадку я намерен вскоре разрешить.

– Разрешайте. Только имейте в виду, на лепонекс у меня аллергия. И не забудьте, что «комплекса Христа» у меня нет. А об объективности любого человека говорить вообще глупо. Человек всегда субъективен, такова его природа. И, конечно, когда на мне поставили опыты и превратили чёрт знает во что, мне трудно оставаться объективным. Что же касается штатников, то вы верно заметили, что они верят только в свои деньги. А эта вера опаснее, чем вера в то, что одна нация лучше другой.

Рамон засмеялся, как мальчишка.

– Так вы уже сталкивались с препаратами, которые применяются в психиатрии… И давно вы догадались, что я не офицер, а врач?

– Давно. У вас слишком умные глаза для военного. Да и манеры…

– Что ж, спасибо за комплимент. Но давайте вернёмся к нашей теме. Вопросы веры я с вами обсуждать не намерен, но генетической эпидемией – назовём это так – очень сложно управлять, и никто на это не пойдёт. Даже штатники, во что бы они ни верили. Как мне кажется. Да и потом, вы сами говорите, инкубационный период занимает около недели. За это время можно приготовить вакцину. И ещё такой вопрос, технический. Как же вас заразили? Вам сделали инъекцию или что?

– Нет. Нас оставили в комнате, в которой стояло ведро с серебристой грязью, вышли и закрыли все щели. И эта серая грязь, пыль такая, знаете, вылетела из ведра и бросилась на нас, и впиталась в нас, не знаю, как объяснить. Вирус внедрился в наши митохондрии и меняет нас на клеточном уровне. А инкубационный период теперь намного короче – инфекция передаётся от человека к человеку гораздо быстрее, от заражения до «превращения» пройдёт не более получаса. Я видел это всё в лагере.

– Где, простите?

– Ну, в лаборатории тех вивисекторов.

– Итак, вы заразны, и вас нужно изолировать.

– Да.

– Ну что же, я не генетик, как и вы, и поэтому мне трудно оценить вашу теорию на прочность. С точки зрения психиатрии же…

– Я и сам всё знаю. Есть такое слово «паранойя».

– Вы, конечно, мерзавец, Эйхманн… но не лишённый шарма, чёрт подери. В любом случае, вы добились, чего хотели. Вас изолируют и будут, гм-м…

– Изучать, пока я, гм-м, не умру.

– И после этого Эйхманна отправили в спецлечебницу, – заключил Александр. – Но не в центр генетических исследований, как он просил, а в дурдом.

– Не совсем так, господин президент, – отвечал Рамирес. – Здесь находится многопрофильный научный центр.

– Находился, – произнёс Александр мрачно.

Раздалась приятная музыка – зазвонил мобильный Мигеля.

– Господин президент, это вас, – сказал секретарь. – Ваша супруга.

Александр дёрнул щекой. Секретарь нажал приём вызова, поднёс трубку к уху и сказал голосом, в котором одновременно звучало и сочувствие, и призыв к снисходительности:

– Сеньора Алисия, он сейчас не может говорить.

Мигель убрал телефон.

– Ну что же, психиатра мы послушали, теперь хотелось бы узнать мнение генетика, – сказал Александр. – Что вы можете сказать о вирусе, который изменяет метахондрии, Винченцо?

– Митохондрии, господин президент, – ответил Винченцо и потёр висок. – Так они правильно называются… Для модификации единичных геномов зародышевых клеток применяются специальные транспортные вирусы, встраивающие нужные последовательности нуклеотидов в нужные места цепочки ДНК. Соплеменники Эйхманна, судя по его рассказу о качественных группах генов, широко применяют этот метод. Однако этот способ не годится для изменения организма сформировавшегося – часть клеток останется неизменённой просто по теории вероятности, часть сумеет победить чужака, и, возможно, иммунная система организма просто уничтожит все или большую часть впрыснутых вирусов. Да и генетический вирус, передающийся воздушно-капельным путём, – это смешно. Такого рода агенты должны быть очень крупными и нестойкими к внешним воздействиям, таким как свет и температура… Да, господи, даже к углекислому газу, выделяемому при дыхании…

– Я не медик, – возразил Александр. – Но я знаю, что, например, при чуме инкубационный период человека, заразившегося через воду, гораздо больше, чем когда болезнь передаётся от человека к человеку.

– Ну, вы понимаете, это так называемая лёгочная форма…

– Меня больше волнует вот что. Эйхманн сказал, что его заразили не путём инъекции, а из какого-то ведра с серебристой грязью, – перебил его президент. – Что он имел в виду?

– Скорее всего, это были наноботы, – сказал Винченцо. – В США исследования в этом направлении действительно проводились, ещё до нападения на Землю телкхассцев. И сейчас ведутся, а мы, конечно, стараемся не отставать. Первым в этой области был Химмельзон со своими «лестницами в небо». Вы удивитесь, но он создал их для того, чтобы спасти свою мать, умиравшую от редкой генетической болезни…

– Я уже ничему не удивлюсь, – сказал Александр.

– Химмельзон в данном случае был подобен человеку, который лупит молотком по микросхеме, чтобы наладить работу прибора.

– Извините, что я вмешиваюсь, – заговорил до сих пор молчавший Мигель. – Вы знаете анекдот, сеньор Винченцо, – «а девяносто песо за то, чтобы знать, где ударить»?

– Никто не отрицает, что Химмельзон – гений, которые рождаются, наверно, раз в тысячу лет, – сухо ответил учёный. – Но он выпустил из бутылки такого джинна, который не отказывается исполнять наши желания, но понимает их весьма своеобразно. Да и вы сами, наверно, видели, что происходит с теми, кто побывал на «лестницах в небо», особенно на самых первых, которые вообще не имели никакой защиты по радиусу… Если же вернуться к нашей теме, помимо сложности с генетическим программированием, есть ещё и такой фактор, как иммунитет. Иммунная система организма всегда настороже и ищет подлежащих уничтожению чужаков. Иногда её удаётся обмануть, но чаще всего – нет. И если даже мутация клеток в организме окажется удачной и позволит ему функционировать дальше, немедленно последует аутоиммунный ответ. Все силы организма окажутся брошены на уничтожение воспринимающихся как «чужаков» мутантов. В результате либо модифицированная ткань будет съедена лейкоцитами, либо иммунная система истощит себя в бесплодной борьбе, в результате чего организм окажется беззащитным перед внешними инфекциями и быстро погибнет.

– И этого «быстро» им вполне хватит для того, чтобы порвать всех нас… – сказал Александр.

Он услышал невнятный гул и посмотрел в окно, словно ожидал увидеть мутантов перед гостиницей, в которой расположился импровизированный штаб операции. Но увидел нечто иное.

– А это что такое? – воскликнул он.

Через главную площадь Кармен-де-Патагонес двигались четыре БТРа с белыми крестами на бортах. Возглавлял процессию старинный лендровер, сопровождаемый кортежем из мотоциклистов. На правом рукаве каждого красовалась чёрная свастика в белом кружочке. Солнце на миг выглянуло из-за туч. Раскалённое серебро заклёпок на куртках мотоциклистов и сдвоенных молний на бампере лендровера плеснуло в глаза Александру.

– Очевидно, это делегация из Шербе, – сказал Мигель.

– Они же никогда ни во что не вмешиваются, – удивился Винченцо.

– Кажется, на этот раз вмешались, – усмехнулся Рамирес и добавил с уважением: – На машину для своего генерала они не раскошелились, ездит на модели прошлого века, как она не развалилась только ещё. А вот боевые машины у них очень хорошие. Это бразильские БТРы, модели «Кайман». Их прямо с конвейера раскупают, я смог только на третий квартал следующего года договориться…

– Это я и сам уже вижу, – сказал Александр. – Как они здесь оказались?

Мигель отвёл глаза.

– Вы понимаете, когда это началось, я взял на себя смелость сообщить…

– Больше никогда не возьму на работу человека с немецкой фамилией, – сказал Александр.

Из узкой улочки на площадь вынырнул ещё один «Кайман». Водитель при повороте задел угол дома, который тут же окутался белым облачком слетевшей извёстки. Из стены вывалилась пара кирпичей, державшихся за свои места ленивее остальных.

Когда все люди «обратились» и монстры ушли с поля, Курт заявил, что ему надо пробраться на крышу здания для того, чтобы сориентироваться. Четырёхэтажный административный корпус был самым высоким зданием в колонии. Компания добралась до третьего этажа без помех. На площадке ход наверх преградила сетчатая дверь, запертая на замок. Хуан спустил с рук Люсию, вытащил связку ключей и стал пробовать их по очереди. На Лану навалилась слабость, в ушах гудело, а ноги были как ватные, и поэтому её очень обрадовала эта неожиданная передышка. Лана присела на ступеньках, борясь с подступающей тошнотой. Она видела справа от себя клетчатый подол Эухении и полосу белых кружев платья Люсии. Очертания предметов расплывались, как будто Лана смотрела через чужие очки.

– Мама, он колю-ю-ючий, – захныкала Люсия.

Перед тем как покинуть класс, Эухения распустила волосы дочери и соорудила из лент и платка подобие респиратора. Очевидно, лимонад засох и платок стал царапать девочке лицо.

– Потерпи, доченька, – мягко, но непреклонно сказала Эухения.

– Господи, да откуда же взялись эти чудовища? Кто они такие? – с отвращением сказал Бенито, стоявший на нижней площадке.

Его голос ввинчивался в голову Ланы, словно сверло. «Я заразилась, – чувствуя, как бешено стучит сердце, с отчаянием думала Лана. – Я сейчас „обращусь“, и Курт застрелит меня!»

– А мне всё равно, – заметил Карлос.

Он прислонился к перилам напротив Ланы.

– Как отправить этих чудовищ обратно в ад, из которого они по недосмотру вырвались, – это гораздо более важный вопрос, – продолжал он. – Забавно и странно, конечно, что они превращаются в разных зверей – получается, что мы не все произошли от обезьян…

– Хуан, чего ты там возишься? – спросил Курт недовольно.

– Так это же не мой сектор, ни один ключ может и не совпасть, – виновато ответил охранник.

– Господи, как же здесь душно, – пробормотал Бенито и потянул узел галстука. – Поскорее никак нельзя?

– Мне тоже что-то грудь сдавило, не продохнуть, – пожаловался Хуан.

Лицо охранника посерело, по коже катились крупные капли пота.

– Дай-ка мне свой свитер, – сказал Курт. – Я совсем замёрз. А тебе, глядишь, будет не так душно.

Хуан прислонил автомат к стене и потянул с плеч форменную куртку. Под ней обнаружился чёрный шерстяной свитер. Охранник снял его, оставшись в одной синей рубашке, и протянул свитер Курту. Но прежде чем парень успел его взять, охранник страшно захрипел. Рука Хуана разжалась, и свитер упал на пол. Лицо охранника пошло зыбью, заколыхалось, как кисель. Из-под человеческих черт проступила безобразная морда. Эухения с Люсией закричали хором, Лане было уже всё равно. Курт навёл автомат на лицо того существа, которое переставало быть Хуаном. Оно попятилось и протянуло руку к стоящему у стены автомату. Курт нажал курок.

На лестничной площадке стало очень грязно.

Бенито взрыкнул и припал на четвереньки, готовясь к прыжку. Карлос отшатнулся, уже чувствуя на своём горле зубы. Но глаза, горевшие алым огнём, были устремлены не на него.

– Сзади, Курт! – закричал Карлос, приседая на корточки и закрывая руками голову.

Курт, не оборачиваясь, перекинул через плечо автомат и выстрелил в тот миг, когда галстук Бенито проехался по волосам Карлоса. Выстрелом тело отбросило вниз. Бенито ударился об окно в пролёте и медленно сполз по нему, оставляя за собой кровавый след.

Курт с видимым удовольствием содрал с себя заскорузлую от крови рваную майку, поднял с пола свитер и надел его. Эухения пыталась успокоить заходящуюся криком Люсию. Курт услышал характерные звуки – кого-то жестоко тошнило. Парень обернулся.

– Извините, – пробормотала Лана, вытирая рот.

Её снова согнуло. На этот раз изо рта женщины пошла обильная белая пена. Курт взял второй автомат и начал спускаться к Лане.

– Нет! Не торопись, Курт! – Карлос встал между ним и женщиной. – Это может быть просто шок, а если даже не шок – я видел на футбольном поле парня в белом халате, который человеком пришёл – и ушёл человеком, хотя колбасило его, как и всех остальных…

– Мне без разницы, шок так шок, – Курт пожал плечами. – Но ходить она теперь не сможет, полчаса минимум. А мы не можем ждать, пока Лана переломается. Пара выстрелов могла и не привлечь ничьего внимания, их могли даже не услышать, но это было бы слишком большой удачей. Надо убираться отсюда как можно скорее.

– Я останусь, – сказал Карлос твёрдо.

– Как раз и нет, – сказал Курт. – Ты выведешь отсюда повариху с ребёнком. И не спорь со мной. Ты сможешь пройти только по тому пути, что покажу тебе я. А я тут знаю все входы и выходы и смогу вывернуться, так или иначе.

– Если ты всё тут знаешь наизусть, зачем потащил нас на крышу? – насупившись, спросил Карлос.

– Когда человек превращается в эту тварь, – сказал Курт спокойно, – он помнит всё, что знал до мутации. Чудовища вырвались из корпуса F и пошли в промзону. Им нужно захватить как можно больше людей и обратить их. Потом монстры двинутся на город. Я хотел провести вас через корпус F, потому что там сейчас точно никого нет. Но мне совсем ни к чему, чтобы на полпути кто-нибудь из вас обратился и связался со своими новыми дружками. Этот вирус быстро проявляет себя, но я ему немного помог – заставил вас всех подняться по лестнице, чтобы ускорить кровообращение. Удовлетворён?

Карлос заколебался.

– Делай так, как он говорит, Карлос, – услышал он слабый голос Ланы. – Кто-то должен выбраться и рассказать всё, как было.

– Что ж, показывай путь, – сказал Карлос.

Они спустились в пролёт.

– Видишь забор? – спросил Курт, указывая рукой в окно.

Карлос кивнул. Трёхметровая бетонная стена, накрытая сверху острым козырьком из колючей проволоки, отлично просматривалась между углом здания и длинным деревянным бараком.

– Вот и дуйте прямо к нему.

– А это ты видишь? – сказал Карлос, указывая на стоящую метрах в трёх перед бетонной стеной загородку из колючей проволоки. – А между ними, насколько я помню, в траве ещё путанка должна валяться… И дойдём мы даже до забора, дальше-то что?

Лана корчилась в жестоких судорогах – Карлос слышал глухие удары, когда она ударялась головой об пол. Не выдержав, он обернулся. Эухения скрутила трубочку из своего носового платка и как раз закладывала её Лане под язык.

– Это не твоя забота, – сказал Курт. – Иди вперёд и ни о чём не думай, понял?

Карлос усмехнулся:

– Яволь, мой фюрер…

Курт повернулся к Эухении.

– Когда будете стоять около забора, – сказал он, – отдашь ребёнка ему, и сама его обнимешь, как будто это твой самый лучший любовник. Приказ ясен?

Эухения поспешно кивнула.

– Дай автомат, – потребовал Карлос.

– Не дам.

– Если бы я только мог поверить, что ты не пристрелишь Лану и не смоешься, едва мы скроемся из виду, – сказал Карлос.

– Вот ты спросил, почему люди превращаются в разных зверей, – усмехаясь, ответил ему на это Курт. – Дело в том, что настоящих людей очень мало. И под воздействием вируса каждый становится тем, кем является на самом деле – ленивым медведем, грязной свиньёй или хитрой лисой. Или волком позорным. А я был заражён одним из первых, как ты уже, наверно, догадался. Так не заставляй меня думать, что, если бы не респиратор, на меня сейчас смотрел бы трусливый шакал.

– Слишком поэтично, – покачал головой Карлос. – Должно быть какое-то другое объяснение, простое и приземлённое. Ладно. Эухения, Люсия, поднимайтесь.

До барака Карлос и его подопечные добрались без приключений. Не успел Карлос подумать, что всё слишком хорошо идёт, как увидел волков. Мутанты вывернули из-за барака и столкнулись с людьми почти нос к носу. Удивились они меньше, чем журналист. Но и обрадовались тоже, чего никак нельзя было сказать о людях. Карлос схватил Люсию на руки и побежал к забору. Эухения держалась рядом. Волки завыли и залаяли на разные голоса.

С вышки ударил пулемёт. Карлос присел от неожиданности. Он совсем позабыл об охранниках. Он знал, что служба безопасности является совершенно самостоятельным подразделением и происходящее в зоне её вряд ли затронуло.

– Скорее, скорее, сеньор Карлос! – закричала Эухения, подбегая.

Карлос рванулся вперёд, как спринтер. Сзади выли волки. Пулемёт ударил ещё раз, и ещё. Журналист остановился перед заграждением из колючей проволоки и оглянулся. Несколько серых тел раскинулись в пыли, но пятеро уцелевших монстров были так близко, что он видел слюну, капавшую с их клыков. Карлос спустил Люсию на землю, вытащил нож и шагнул вперёд, закрывая собой женщину и девочку.

– Мама, дырка! Нам надо туда! – закричала Люсия, проявив сообразительность, изумительную для трёхлетнего ребёнка.

Карлос увидел, как в проволочном заборе засияло радужное отверстие. С треском вырывая траву, над землёй вставали стальные петли путанки. Поднявшись вертикально, они застыли

по обеим сторонам расчищенной полосы, лохматые и зловещие, как триффиды. Эухения подхватила девочку и вместе с Карлосом вбежала за забор. Но и волки следовали за ними. Пулемёт на вышке больше не стрелял – видимо, преследуемые оказались в мёртвой зоне или стрелок боялся попасть по людям. Карлос домчался до бетонной стены, прижался к ней спиной.

Стоявшая проволока рухнула вниз, опутывая сунувшихся в прорыв волков словно колючая паутина. Чудовища завыли, но по их телам уже шли следующие. Окно на третьем этаже административного здания распахнулось, из него высунулся автомат. От первого выстрела один из волков взвыл и шарахнулся в сторону, но следующие два были удачнее. Голова уже мёртвого монстра ткнулась в ноги журналисту, и он брезгливо оттолкнул её. Карлос обнял Эухению. Раненый волк поднялся и, волоча перебитую лапу, поскакал к людям. Журналист почувствовал, что почва уходит у него из-под ног, и задел локтем забор.

– Мама, мы летим! – изумлённо закричала Люсия. – Как птички!

На несколько секунд люди зависли в полуметре над землёй. Раздался выстрел, и последний волк рухнул на траву. Карлос увидел четырёх лис на крыльце барака. Одна из них стояла на двух лапах. На груди у неё висел автомат. Вооружённая лиса повернулась в ту сторону, откуда беглецов поддержали огнём. «Вот они и нашли Курта», – с отчаянием подумал Карлос. Подъём тем временем продолжался. Мимо проплыл козырёк из колючей проволоки. Карлос, Эухения и Люсия плавно перелетели над забором. Спускались гораздо быстрее. Примерно в полуметре от земли Карлос ощутил, как разжалась невидимая рука, державшая их. Карлос грохнулся коленями о гравийную дорожку между бетонными заборами, похожими, как близнецы. Сверху на него всеми своими семидесятью килограммами обрушилась повариха. Да и Люсия весила килограммов пятнадцать, и от объединённого удара у журналиста хрустнули кости.

– Простите меня, – пробормотала женщина, сползая с него. – Муж тоже всё время говорит – сядь на диету да сядь на диету, а я так булочки люблю… Свежие…

В сторожевой башне открылась дверь, и оттуда появился охранник в респираторе. Он проворно подбежал к людям и помог журналисту подняться на ноги.

– Вот так, сеньор Карлос, вот так, – заботливо приговаривал он. – Всё хорошо, сейчас мы уйдём отсюда…

– Откуда вы знаете, как меня зовут? – удивился Карлос.

Лицо охранника стало таким, как будто он пытался вспомнить что-то очень важное, но никак не мог.

– Но вы ведь Карлос? – сказал он растерянно. – Репортёр?

– Да, – ответил тот. – Но публикуюсь-то под фамилией, а не под именем…

Эухения и Люсия были уже на полпути к вышке.

– Пойдёмте, – повторил охранник.

Карлос задумчиво посмотрел на забор, из-за которого доносились выстрелы, и тяжело опёрся на плечо мужчины.

Из горячего сине-чёрного марева, окружавшего Лану, выплыл загорелый профиль на белом фоне, чёткий, как на новенькой монете. Синий глаз был прищурен – Лана поняла, что человек целится. Сразу вслед за этим, словно в ответ на её мысли, из горячего мрака появились руки в чёрном свитере и автомат, который стрелок упирал в плечо. Раздался сухой щелчок, парень чуть дёрнулся, гася отдачу. Откуда-то донёсся протяжный, полный боли вой.

– Блядское оружие, – пробормотал парень.

«Так это же Курт», – подумала Лана.

Курт перевёл какой-то рычажок. Щелчки раздавались непрерывно, сериями по три, словно по подоконнику колотил град. Вопли прекратились – видимо, теперь выстрелы ложились точно в цель.

По подоконнику?..

Да, Курт стоял рядом с открытым окном. Лана поняла, что его силуэт кажется зыбким из-за старого, перекошенного стекла. Центр распахнутой рамы занимало жёлтое пятно, окружённое красно-коричневыми потёками. Мозги и разводы крови Бенито на стекле напомнили Лане витражи готических соборов.

Курт опустил автомат, чуть наклонился вперёд. Лицо у него стало, как у штангиста, поднимающего предельный вес, глаза сузились. Лана хотела спросить: «Карлос и остальные спаслись?» – но вместо этого лишь что-то невнятно пробормотала. Её окатил холодный ужас.

– Хочешь поговорить – вынь жгут изо рта, – изломанным от напряжения голосом сказал Курт. – Тебе Эухения подложила, чтобы ты языком не подавилась.

Лана с трудом вытащила измочаленный платочек.

– Они ушли? – нетвёрдо спросила она.

Голос женщины прозвучал очень тихо, но Курт услышал её.

– Ещё нет, – ответил он, вскинул автомат и выпустил короткую очередь.

Автомат защёлкал впустую. Курт положил не нужное больше оружие на подоконник. Лицо парня снова приобрело мучительное выражение.

– Вот теперь да, – сказал он после паузы.

Раздался близкий выстрел. Стекло обиженно вскрикнуло, на нём расцвела звездчатая дыра. Курт закинул на спину второй автомат и опустился на колени. Затем на четвереньках прополз под окном прямо по трупу Бенито. Оказавшись рядом с Ланой, Курт вытащил уже знакомый ей пакет с белым порошком.

– Не надо, – слабо воспротивилась Лана.

Следующий выстрел угодил в плафон на потолке, который с прощальным стоном взорвался.

– Надо, – сказал Курт, раздвигая ей губы и втирая кокаин в дёсны. – Мы сейчас будем бежать быстро. Даже очень быстро.

Огромный волк раздул ноздри и повёл косматой головой из стороны в сторону, принюхиваясь. Его глаза налились кровью. Волк поддел лапой кожаный диван и опрокинул его. Второй мутант, до омерзения смахивавший на козла, встревоженно мемекнул.

Под диваном обнаружилась только толстая полоса серой пыли.

Козёл поднял ногу и покрутил копытом у виска. Волк что-то смущённо прорычал в ответ, и они двинулись дальше.

Когда монстры скрылись за поворотом, Лана шевельнулась. Они с Куртом стояли у стены за шкафом с документами. Последний коридор до развилки Курт тащил обессилевшую Лану на руках, а сейчас придерживал, чтобы она не упала. Лана уже чувствовала себя в силах стоять самостоятельно, однако Курт не выпустил её, а, наоборот, сильнее прижал женщину к себе, указывая глазами в сторону ушедших монстров. Свитер Хуана болтался на нём, как мешок, но жёсткое и горячее тело заключённого чувствовалось даже через тонкую шерсть. «Сколько он не был с женщиной?» – подумала Лана с интересом.

– Три месяца и четыре дня, – не глядя на неё, тихо проговорил Курт.

Лана смотрела, как шевелятся его губы. Она смутилась – ей казалось, что она не произносила своего бестактного вопроса вслух. «А губы у него, наверно, горькие, – подумала Лана. – Он же курит… Тьфу, как меня накрыло… Какая дрянь этот кокаин». Она ещё додумывала эту мысль, а Курт уже наклонился и целовал её. Губы у него и впрямь оказались горькие, а язык – горячий и влажный. Потом он разжал руки, отпуская Лану, запрокинул голову и упёрся затылком в стену.

– Мама, роди меня обратно, – чуть задыхаясь, сказал Курт.

– Ты всё время это повторяешь. Ты на самом деле этого хочешь? – спросила Лана, глядя на его острый кадык, покрытый светлой щетиной.

– Знаю, что это невозможно, – Курт усмехнулся. – Но я знаю, что делать, когда мне станет совсем невтерпёж и захочется обрести покой и счастье.

– А сейчас ты, значит, ещё можешь терпеть?

– Пока да. Так, а сейчас мы пойдём…

– Нет, – решительно перебила Лана.

– Не понял.

– Мы прекратим эту бестолковую беготню и позвоним одному человеку.

– Где ж ты прятала мобильник? – удивился Курт.

– Очень смешно, – скривилась Лана.

Она носила телефон не в сумочке, которая осталась в разгромленной столовой, и не на шее, чем лишила монстров возможности полюбоваться на свои выкатывающиеся от удушья глаза, а в чехле на поясе. Лана достала мобильник, немного опасаясь, что во всей этой кутерьме от него остались рожки да ножки. Но замшевый пиджак смягчил большую часть ударов, и телефон, к восторгу Ланы, оказался не только в целости и сохранности, но даже ловил сеть.

Пока президент и остальные выходили из гостиницы навстречу нацистам, Рамиресу сообщили, что монстры накапливаются возле ворот колонии. Дорога, как признался генерал, туда вела такая, что на легковушке президента они бы добрались к завтрашнему утру. Если бы добрались вообще. Полицейских машин в городе уже не оставалось – все были около колонии. Руководитель Шербе, седой мужчина с волевым лицом, предложил всем доехать на его джипе. Александр охотно согласился. В лендровер грузились в спешке и чуть не потеряли Винченцо.

Глава нацистов вёл старенький джип так, что всем стало ясно – деньги, выделяемые на содержание дорог возле Рио-Лимай, разворовываются, даже не доходя до Санта-Карлос-де-Барилоче. Александр понял, почему руководитель нацистов до сих пор не приобрёл другую машину. Это не банальная нехватка финансов – салон был отделан красной кожей и сосной, – а ощутимая аура, которой обладал этот приехавший из прошлого века джип. Президент искоса рассматривал серо-чёрный мундир нациста с серебряным шитьём. Это торжество помпезности и дурного вкуса обильно украшали нагрудные знаки. Александру оказался знакомым только один орден в виде небесно-голубой звезды. Это была высшая награда, которой правительство Египта удостаивало иностранных военных – участников последнего конфликта с Израилем.

– Как же вы так быстро добрались? – спросил Александр.

– У нас есть телепортационная установка, – сухо ответил руководитель Шербе. – А рядом с мостом через Рио-Негро есть фиксированный выход.

На заднем сиденье тихо крякнул Рамирес. Александр и сам примерно представлял, сколько должна стоить установка, позволяющая перебросить на такое расстояние колонну БТРов. Серый забор приблизился, стали отчётливо различимы маленькие фигурки с автоматами, суетившиеся около сине-белых машин, и серебристый купол лаборатории, расколотый надвое. Из чёрной трещины, как рёбра, торчали куски арматуры.

Мобильник в кармане Александра заиграл. Президент вытащил его, увидел, кто его вызывает, и чуть не выронил телефон.

– Привет, Лана, – обрадовался он. – Ты цела? Ты одна? А его фамилия, случайно, не Эйхманн?

Лендровер резко занесло. Машина нырнула в колдобину, поджидавшую свою жертву под слоем густой грязи, как в пасть крокодила. Перед Александром мелькнул придорожный кустарник, словно свитый из колючей проволоки, и безумные глаза водителя в зеркале. Президент больно ударился грудью о переднюю панель. Локоть руки, в которой он держал телефон, прострелило яростной болью, но Александр его не выпустил.

– Дайте я с ним поговорю! – прокричал Рамирес сквозь визг тормозов.

– Да нет, у нас тут ничего не происходит, – сказал Александр. – Эйхманн согласится нам помочь?

Джип остановился посреди огромной лужи – до её дальних берегов ещё не дошла поднятая им волна. Александр передал мобильник назад.

– Генерал Рамирес, – представился военный. – Вы умеете обращаться с «пружинами в коробке», Эйхманн?

– Что это такое? – спросил Александр.

– Последняя модификация «лестниц в небо», господин президент, – тихо ответил Мигель. – Не очень мощные, но надёжные…

– Она находится в четвёртом блоке, в корпусе D, – продолжал Рамирес. – Да, в операторской… Вы можете туда попасть?

– С каких это пор исправительные колонии снабжаются оружием массового поражения? – спросил президент. – И, интересно, зачем?

– На случай бунта заключённых, чтобы уничтожить всю зону сразу, – сказал Винченцо.

– Она уже настроена, – говорил Рамирес в трубку. – Нужно только включить. Таймер автоматически стоит на пятнадцати минутах, но вы можете выставить выдержку побольше, если хотите. А потом выходите к западным воротам, охранники ещё держат периметр и выпустят вас…

– Разрешите мне поговорить с ним… – вдруг сказал глава нацистов.

– Вы будете говорить с… руководителем Шербе? – спросил Рамирес.

Как и Александр, он сообразил, что в суматохе они не успели познакомиться с главой нацистской крепости. Рамирес протянул телефон водителю.

– Курт, ты не ранен? – спросил руководитель Шербе.

Александр вздрогнул от нежности, звучавшей в его голосе.

Глава нацистов опустил руку с мобильником и несколько секунд смотрел на него так, словно перед ним был гроб Гитлера. Нагнавший их БТР призывно просигналил, но глава последнего нацистского оплота будто и не слышал.

– Позвольте? – сказал Александр.

Руководитель Шербе взглянул на него непонимающим взглядом.

– Мой телефон.

– Ах да, – он отдал мобильник президенту.

– Хотелось бы узнать ваше имя, – сказал Рамирес. – В этой кутерьме…

– Кай Эйхманн, – представился глава нацистов.

Несколько секунд в джипе стояла густая, как масло, тишина. Эйхманн опустил стекло, высунулся в окно и что-то прокричал по-немецки. БТР, по самую крышу заляпанный грязью, выполз на обочину слева от лендровера и остановился.

– Пересядьте, господа, – сказал Кай Эйхманн. – Я завяз накрепко, мои ребята меня выдернут, а вы езжайте…

Защёлкали замки в дверцах. Винченцо, Рамирес и Мигель выпрыгнули из лендровера и побрели к «Кайману», по колено проваливаясь в грязь. Александр обошёл машину, цепляясь за капот и с трудом вытаскивая ноги из липкой грязи.

– Сильнее, чем тебе, это ещё никому не удавалось, – Курт нажал сброс.

Он вернул мобильник Лане, прислонился к стене и медленно провёл рукой по лицу, ощупывая его словно чужое.

– И не такой уж большой у Александра, – рассеянно сказала Лана. – Да не в этом дело…

Она вздрогнула и осеклась.

– Теперь мы можем выдвинуться? – сказал Курт. – Нам тут таких задач нарезали…

Они пошли по коридору.

– Ты слышишь мои мысли. А я – твои, – не спрашивая, а утверждая, сказала Лана.

– Пока ещё не все, – ответил Курт.

– Значит, я всё-таки…

– Да.

Около центральных ворот была страшная сутолока – там выгружался только что прибывший отряд специального назначения. У военных хватило ума сообразить, что от полиции, обученной только разгонять безоружных демонстрантов, в подобном деле будет мало проку. Карлос выпил стакан спирта, который ему любезно предложили, с радостью принял бушлат – его куртка осталась в кабинете начальника колонии. Но пройти в белую машину с красным крестом на боку Карлос вежливо отказался. Он решил прогуляться вдоль периметра, чтобы прийти в себя и заодно вникнуть в обстановку. Первую линию обороны составляли БТРы с чёрной свастикой на бортах. Карлос почему-то не удивился, увидев их, и узнал марку – «Кайман». Метрах в пятидесяти за БТРами стояли брошенные как попало полицейские машины, а пространство между двойным оцеплением пока пустовало. Кое-где мелькали голубые полицейские мундиры.

Не дойдя до западных ворот колонии метров ста, Карлос заметил около «каймана» полного мужчину. Из-под бушлата, точно такого же, что был сейчас на нём, виднелся серый от грязи халат. Врач болтал с двумя бритоголовыми парнями в нацистской форме. И хотя кровь с его лица смыли, а ссадины уже запеклись, журналист сразу узнал в нём единственного мужчину, который ушёл с футбольного поля человеком. Карлос подошёл к БТРу и спросил прикурить, а затем и разговорился с молодыми арийцами. Врач назвался Рамоном. Услышав, что Карлос журналист, он сказал:

– Хочешь, подарю первую фразу для репортажа?

– Сделай милость, – кивнул тот.

– «Впервые после захода „Бигля“ в Кармен-де-Патагонес что-то произошло», – с выражением произнёс Рамон.

– Что верно, то верно, – усмехнулся Карлос. – Да, знал бы Дарвин, как далеко зайдут его последователи…

Рыжий и шумный Адольф оказался водителем-механиком танка, а его брат Алоиз – стрелком-наводчиком. Но основная специальность у него была другая – тихий веснушчатый Алоиз был профессиональным диверсантом-подрывником. На БТР близнецов перевели в качестве дисциплинарного наказания. Как выразился Адольф, они «немного хватили через край» на последней операции в Иерихоне. Судя по нашивкам на рукавах, за свои двадцать с небольшим лет братья побывали не только в земле обетованной, но и в Кампучии, Ираке и Италии. И не в туристических поездках. Отличить рыжих и веснушчатых близнецов можно только по рубчатому шраму на виске Адольфа. Они даже смеялись одинаково. Карлос невольно задумался о том, как же братьев различали до того, как на лице Адольфа появилось это украшение. Но до журналистских баек Алоиз и Адольф оказались охочи не меньше, чем их сверстники, видевшие БТР, которым управляли братья, только в кино.

После очередной истории Рамон захлопал себя по коленям и присел от смеха.

– Не обращайте внимания, ребята, – сказал он, вытирая слёзы полой халата. – Охранники затащили меня к себе и обе ноздри кокаином набили, до сих пор отойти не могу…

Перед глазами Карлоса встала красно-белая соломинка, собирающая с круглого металлического зеркала полоски белого порошка.

– Весёлые у вас тут охранники, – заметил Адольф и выпустил клуб дыма.

Рамон снова согнулся в приступе хохота.

– Холодно сейчас, наверное, валяться на грязной траве? – сказал ему Карлос.

Рамон выпрямился, глаза его стали ясными.

– Ты тоже был там? На поле? – спросил он.

– Мы спрятались в классе, ну, знаешь, на первом этаже который, – покачал головой Карлос. – Там ещё есть конструктор, молекулы собирать… Как же ты наружу просочился?

– Я всегда шагаю в ногу, – пожал плечами Рамон. – Только потом начинаю шагать на месте, а потом в другую сторону. А ты как?

– Там один парень был из заключённых, Курт, – объяснил Карлос. – Так вот Курт перебросил нас через забор.

Лица Адольфа и Алоиза вытянулись, как будто близнецы хотели отдать честь. Алоиз даже выронил сигарету. Рамон же очень обрадовался и воскликнул:

– Так он ещё жив?

– Вы знакомы с Куртом? – очень почтительно спросил Адольф.

– Я его лечащий врач, – сказал Рамон.

– Как он? – спросил Адольф у Карлоса.

– Насколько я могу судить, у него всё под контролем, – ответил тот. – А вы тоже знаете Курта?

Ребята закивали, как игрушечные собачки.

– Курт больше с ним дружил, – Адольф показал на Алоиза. – Ну и со мной тоже…

– Герр генерал за ним и приехал, – сказал Алоиз.

– Чем же Курт для него так важен? – полюбопытствовал Карлос.

– Курт его сын, – пояснил Адольф.

– Да только он никогда не вернётся в Шербе, – произнёс Алоиз очень грустно.

Карлос хотел спросить, почему, но с изумлением почувствовал, что не может открыть рта.

– Неужели вы будете над ним смеяться? – спросил Рамон.

– Смеяться… – повторил Адольф и усмехнулся. – Вот эту карябину видите? – Он показал на шрам. – Это мы когда с Куртом форель ловили, он случайно в ведро с рыбой сел. Я засмеялся, а он мне банкой с наживкой как заехал…

– Курт боится, что мы будем его жалеть, – тихо сказал Алоиз.

Ничего не понимающий Карлос растерянно молчал.

– А тебе его жаль? – мягко спросил Рамон.

Алоиз опустил глаза:

– Мне очень стыдно, но да…

– В этом нет ничего стыдного, – сказал Рамон.

– Настоящий ариец не знает жалости, – грубо отрезал Алоиз и бросил бычок на землю. – Где-то простудился я, блин…

Шмыгая носом, он стал размазывать окурок по грязи носком сапога. «Так, значит, не так уж много истинных арийцев даже в Шербе», – подумал Карлос и нарушил неловкую тишину:

– Курт при мне одну историю рассказывал, а я не всё успел послушать. Знаю только, что кончается так: «Я вам говорил, что это русский танк, а вы всё – глюк, глюк!» Вы не знаете такую?

Братья переглянулись.

– Так, наверное, вот эта, – вспомнил Адольф. – Однажды, уже в конце войны, русские танкисты накурились опиума, а тут как раз в бой надо идти.

– Ну, они и поехали, а что делать, – философски заметил Алоиз.

Рамон чуть не поперхнулся от подтекста, прозвучавшего в этих словах.

– Музыку врубили, всё как всегда, – продолжал Адольф. – И вот наводчик говорит: «Товарищ командир, вижу немецкий танк в зоне поражения». Командир ему в ответ: «Да я сейчас самого Господа Бога вижу, отстань, это глюк». Проехали ещё немного. «Товарищ командир, немцы едут на нас». «Да говорю тебе – глюк это, глюк!» – ответил командир, уже немного

рассердившись. Когда наводчик завёл свою пластинку в третий раз, командир не выдержал и говорит: «Ну стрельни, твою мать, стрельни».

– И что? – с большим интересом спросил Карлос.

– Когда дым рассеялся, – продолжил вместо брата Алоиз, – русские увидели перед собой развороченный немецкий танк…

– «Тигр», – дополнил Адольф.

– Какой «тигр», «шерман» это был… В нём лежали верхняя половина тела командира немецкого танка и наводчик с оторванной рукой, – скучным голосом произнёс его брат. – И тогда русские услышали, что кричит немецкий наводчик.

– «Я вам говорил, что это русский танк, а вы всё – глюк, глюк!» – закончил Адольф.

Рамон и Карлос засмеялись.

– Ребята, – сказал Карлос, – а разве вам не было бы приятнее рассказывать наоборот? Чтобы немцы остались живы?

Братья задумались.

– Приятнее, – согласился Адольф. – Зато неправда.

– Шухер, – сказал Алоиз.

Карлос увидел приближающегося к линии БТРов высокого седого мужчину в сером мундире. Судя по обильному серебряному шитью на воротнике, это был кто-то из высших чинов Шербе. Адольф проворно запрыгнул в люк.

– Пойдём отсюда, – забормотал Рамон. – Ещё припишут ребятишкам тайные сношения с врагом…

Карлос покрепче запахнул на груди бушлат. Они двинулись прочь от «каймана», преодолевая порывы ледяного ветра.

– Герр доктор, – раздался тихий голос с брони.

Рамон обернулся.

– Что с Куртом? Чем он заболел? – спросил Алоиз.

– Не волнуйся, – внимательно глядя на него, сказал Рамон. – У Курта всё хорошо, всё под контролем. Кроме одного объекта…

Алоиз усмехнулся:

– Себя.

– А ты хорошо его знаешь, – задумчиво проговорил Рамон.

Он нагнал Карлоса около полицейской машины. Карлос смотрел на ворота, покрытые краской такого цвета, что немедленно хотелось завыть, бревенчатые вышки по обеим сторонам от шлюза и серое небо над ними, по которому неслись грязные лохмотья облаков.

– Сигарету? – предложил Рамон.

Карлос кивнул, и они закурили. На вышке виден пулемёт. Лента с патронами обвивала его стальное тело, напоминая сидящего на стволе дерева удава-констриктора.

– Скажи, ты на «лестницах в небо» не бывал? – внезапно спросил Карлос.

– Бывал, – удивлённо ответил Рамон. – Ещё на одной из самых первых, в Соледаде.

Он отвёл волосы, показывая грубый шрам на ухе.

– И на спине ещё есть, – добавил Рамон. – Но показывать не буду…

– Мутация по классу «нетопырь»… Так ты, наверное, до сих пор в темноте видишь лучше, чем на свету, – задумчиво проговорил Карлос.

– А что ты вдруг заинтересовался?

– В зоне подруга моя старинная осталась, – неохотно ответил Карлос. – Лана заразилась, когда мы уходили, её ломало как раз… Так вот Курт знал, что Лана больна. И он её первым делом спросил – а не бывала ли Лана на «лестницах в небо». А Лана и впрямь бывала, на парижской. И мутация у неё такая же после этого пошла, как у тебя – ушки, крылышки, когти.

Вот я и думаю, можно ли преодолеть этот вирус, и если можно, то от чего это зависит. Курт сказал, что только с помощью силы духа, да что-то не верится мне в это…

– Ну, Эйхманн мистичен, как все нацисты, – заметил Рамон. – Однако твоя догадка имеет смысл. Понимаешь, «лестницы» – это гвоздь, забитый в череп одним ударом, а вирус Эйхманна – это шуруп, который вворачивают в ухо.

– Этой болезни уже и имя дали, – усмехнулся Карлос. – Да, ни к чему хорошему эта фамилия просто не прилепляется, как я посмотрю…

– Мало кто выживает после «лестниц», – продолжал Рамон. – Ещё меньше среди нас тех, кто остался в ясном уме. Но если организм выстоял после первой, гораздо более жёсткой атаки, при повторном воздействии он мог применить уже выработавшийся механизм защиты.

Врач перевёл взгляд на журналиста и добавил:

– Так что ты снова увидишь свою подругу, а не драную лису.

– Ты генетик? – спросил Курт.

– Я психотерапевт, – покачал головой Рамон. – Просто я последний месяц провёл здесь, с ребятами Винченцо.

– Здорово же ты наблатыкался, – сказал Карлос задумчиво.

– Расскажи о своей догадке Винченцо, они давно над вакциной бьются, – Рамон махнул рукой в сторону неприметной машины тёмного цвета, на которой было написано «Лаборатория».

Рядом с ней неподвижно стояли люди в белых халатах и тоже смотрели на колонию. Карлос поспешно двинулся в ту сторону. Пространство между «кайманами» и полицейскими машинами вдруг заполнилось военными, между которыми ловко маневрировал журналист.

– Они выходят! Всем приготовиться! – услышал Рамон чей-то крик.

Он бросил окурок на мокрую траву, поднял ворот бушлата и зашёл за машину.

– Штайнбреннер, вернитесь.

Алоиз нехотя отпустил замок люка и спрыгнул с брони.

– Восемьдесят восемь! – гаркнул он и прищёлкнул каблуками так, что грязь полетела во все стороны.

– Восемьдесят восемь, – тоном ниже ответил Кай Эйхманн. – Они сейчас выйдут. Уговори Курта вернуться домой, разговаривать со мной он вряд ли захочет…

– Кочерга в заднице Дитриха давно уже остыла, – сказал Алоиз, не глядя на генерала. – Но остыли ли угли в голове Курта, на которых он её нагрел, – это вопрос…

Эйхманн провёл рукой по лицу.

– Я тебя очень прошу, Алоиз.

– Так точно, герр генерал! – рявкнул Штайнбреннер. – Разрешите занять боевую позицию?

– Разрешаю, – утомлённо ответил Эйхманн. – Выполняйте…

Охранники заметили бегущих людей раньше, чем монстры. Внутренние ворота начали бесшумно открываться. Лана и Курт ворвались в шлюз и бросились через него ко вторым, внешним воротам. Лана услышала душераздирающий скрежет и обернулась.

Огромный медведь держал распахнутую створку ворот. От обмотки мотора сыпались искры, приводной механизм выл не хуже волков, которые вкатывались в шлюз сплошной серой массой. Лана кинулась вперёд и тут заметила, что Курта рядом нет. Она растерянно оглянулась на бегу. Ещё когда Курт умывал Карлоса, Лана заметила, что заключённый может двигаться очень быстро, когда этого хочет. Но в этот раз Курт просто исчез, а появился уже у самых ворот. Он вынырнул из пустоты, как возникает на фотобумаге изображение при проявке. Заключённый открыл маленькую, в рост человека дверцу. Полоса света упала в приоткрывшуюся створку. Курт шагнул туда. Дверца закрылась.

У Ланы было не так уж много времени, чтобы поверить в это. Чьё-то вонючее дыхание уже касалось её щеки. Она поняла, что Курт её бросил. Так воры бросают кость глупой собаке, чтобы пройти в дом. Лана захлебнулась от ярости и обиды. «Да чтоб тебя разорвало, скотина», – подумала она. Раздался сухой хлопок. Лана обернулась лицом к настигавшим её чудовищам с твёрдым намерением немного позабавиться напоследок. Череп ближайшего к ней волка лопнул, как перезрелый гранат. Во все стороны разлетелись сочные алые семечки. Остальные монстры, поскуливая, жались метрах в двух от Ланы, словно перед ними была верёвка с красными флажками. Лана, изумлённо моргая, смотрела на них. Самые умные из зверей уже обходили жертву с флангов. Они осторожно совали морды к невидимой преграде, но тут же с воем отдёргивали их. Мир в глазах Ланы дёрнулся, как это бывает с изображением на старом, заезженном диске, а затем она увидела то, что монстры заметили раньше неё.

Пылающую полосу вокруг себя.

Лана воспрянула духом. Пятясь, она отступала к воротам. Звери неотступно следовали за ней, но раскалённую границу не пересекали. На вышке застрекотал пулемёт. Пыльные фонтанчики взметнулись в двух шагах от Ланы. Она ойкнула, споткнулась и упала. Круг исчез. Чудовища, воя, бросились к ней. Пулемётчик замолчал, боясь, очевидно, задеть в свалке ту, кого хотел спасти.

Лана услышала скрип ворот.

– Выходят! Они прорвались! – возбуждённо закричал кто-то.

Рамирес покачал головой:

– Времени хватит, чтобы мог проскочить только один человек.

– И Эйхманн об этом знает? – отрывисто спросил Александр.

– Конечно, господин президент, – ответил генерал. – Он ведь профессионал.

Курт несколько секунд смотрел на БТРы со свастиками на бортах, на толпившихся за ними людей в респираторах, а затем стал спускаться им навстречу. За спинами солдат, у сине-белой полицейской машины Курт заметил мужчину в дорогом деловом костюме. Но узнал его не сразу, хотя это лицо смотрело с передовицы почти каждой газеты.

Возможно, потому, что на тех фотографиях президент всегда улыбался.

А здесь – нет.

Президент что-то сказал стоявшему рядом солдату, тот почтительно козырнул и отдал автомат. Президент вышел за оцепление. Вслед за ним бросился мужчина в мундире с генеральскими погонами. Александр сделал ещё несколько шагов, на ходу прижимая приклад к плечу, и остановился прямо перед БТРом.

Курт слишком часто видел мир таким образом, как сейчас президент, чтобы испугаться по-настоящему. Эйхманн застыл на месте. Он смотрел в эти голубые глаза, побледневшие от ненависти, словно в какое-то чудовищное зеркало. Александр слишком долго целился; автомат заплясал в его руках. Даже если бы президент сейчас выстрелил, он бы и в ворота не попал.

Эйхманн зевнул так, что чуть не вывихнул челюсть, повернулся спиной к застывшим от напряжения людям и неторопливо пошёл обратно к воротам.

Лана едва успела закрыть глаза. Шлюз накрыло волной белого пламени. Первым упал медведь, и ворота шлюза наконец-то закрылись. Волки залаяли. Лай перешёл в высокий, невыносимый визг – чудовища умирали. Лана открыла глаза, когда всё стихло. Она поднялась на ноги, отряхнула юбку.

На этот раз Курт ждал её у открытой двери. Лана быстрыми шагами подошла к нему и замахнулась. Она хотела влепить Курту затрещину, не такую, как в романтических фильмах,

а по-настоящему, от души. Так, чтобы полетели сопли и клацнули зубы. Но он перехватил её руку.

– Хочешь меня ударить? – усмехнулся он. – Ударь. Но я не из тех, кто подставляет вторую щёку. Или ты думаешь, что я тебе не отвечу? Отвечу, Лана, отвечу. С удовольствием… Там, где я родился, мужчина, не избивающий свою жену до синяков хотя бы раз в неделю, не считался мужиком…

– Нацистский выродок! – прохрипела Лана, пытаясь вырвать руку. – Отпусти меня!

– А я-то надеялся услышать что-нибудь новое, оригинальное, – сморщился Курт.

Он стиснул её запястье так, что Лана чуть не закричала от боли. Он прикрыл глаза.

– Кто-то лысый перед тобой на коленях… А, так это я… – изменённым голосом произнёс он.

Лана с изумлением ощутила горячую волну, поднимающуюся от бёдер.

– Я умоляю о пощаде, я весь в слезах… Буйная у тебя фантазия – этого даже я себе представить не могу…

– Прекрати, – севшим голосом пробормотала Лана.

Её дыхание участилось.

– Ты меня отталкиваешь… Я вцепляюсь в твою юбку… Я поднимаю её…

Она застонала и согнулась пополам, уткнулась в грудь Курту.

– Так что, отпустить твою руку? – спросил Курт. – Или, может, дать тебе вторую?

Лана усилием воли выпрямилась.

– Чёрный квадратный колодец, – вдруг сказала она, прищурясь. – А, это монитор радара… На нём зелёные треугольнички – корабли телкхассцев…

Курт отшатнулся. Он хотел вырвать руку, но Лана крепко вцепилась в неё.

– Лана, прошу, не надо, – пробормотал он. – Мне…

– Ты ловишь их в алый кружочек прицела, – торжествующе продолжала она.

– Нет! – простонал Курт.

– Ты нажимаешь гашетку, и снаряд сходит с направляющих… Ворота… Стальные ворота открываются… Так что, выпустить твою руку или, может, дать вторую?

– Продолжай, – севшим голосом сказал Курт. – Я нашёл тебя губами…

– Снаряд уходит в чёрную пустоту…

– Я целую тебя, – сказал Курт. – ЦЕЛУЮ ТЕБЯ…

– Тьма становится ослепительно белой, клокочущей…

Для Ланы перестало существовать всё, кроме его руки. Курт откинулся назад, всей спиной навалившись на ворота.

– Один-один, – прохрипел он. – Так, может быть, всё-таки выйдем отсюда?

Курт толкнул дверцу ногой.

– Всё равно я тебе это запомню, – сказала Лана. – Что ты меня бросить хотел…

– Запомни, – ответил он устало. – Но запомни и то, что я вернулся.

Дверца машины захлопнулась за Ланой. Разбрасывая вокруг себя фонтаны грязи, полицейский «форд» помчался к городу.

– Почему задержались около ворот? – спросил Рамирес. – Эйхманн, вы меня слышите? С вами всё в порядке?

Курт отвёл глаза от машины, скакавшей по кочкам и выбоинам не хуже пампасского оленя, и столкнулся взглядом с Александром. Президент стоял рядом с генералом и пристально смотрел на Курта, ожидая ответа.

И хотя винтовки в руках у Александра больше не было, выражение его глаз не изменилось.

– У женщины был шок, – сухо сказал Курт. – Подкосились ноги…

– Вы смогли активировать «пружину»? – спросил генерал.

Курт кивнул.

– Раскроется она минут через десять, – сказал Эйхманн. – Монстры попытаются выбраться из зоны. Основной прорыв пойдёт через центральные ворота. Разрешите мне помочь людям там.

– Вас отвезут, – кивнул Рамирес и потерял к нему всякий интерес.

Курт побрёл к ближайшей машине.

Рамон увидел, как полицейский «форд» затормозил рядом с БТРом братьев. Выбравшегося покурить Адольфа по пояс заляпало жидкой грязью. Немец сказал что-то очень выразительное, но неслышное за шумом мотора. Из «форда» вышел парень, в котором Рамон с большой радостью узнал Курта. Лицо Адольфа расплылось в улыбке. Курт что-то объяснил водителю, и тот уехал.

– Мама, роди меня обратно! Какие люди! – воскликнул Курт.

Друзья размашисто обнялись. Рамон тоже хотел поговорить с Эйхманном и направился к парням.

– Алоиз, вылезай! – подходя, услышал Рамон голос Адольфа. – Ты глянь, кто явился!

Из люка показался хмурый Алоиз. Увидев Курта, он весь расцвёл и поспешно спрыгнул на землю.

– А по рации передали, что ты к центральным воротам уехал, – Алоиз обнял друга.

– Монстры перехватывают радиопереговоры, – сказал Курт. – Мне надо было, чтобы они так и подумали.

Алоиз покачал головой.

– Мастак ты наводить тень на плетень…

– Потому и жив до сих пор.

– Как сам? – спросил Адольф.

– Я очень устал, – признался Курт.

– Пойдём, посидим в «каймане», – предложил Алоиз.

Вдруг братья вытянулись во фрунт. Курт оглянулся. Рамон тоже заметил бегущего к БТРу давешнего генерала и понял, что это старший Эйхманн. Высокопоставленный нацист растерял всю величественность и надменность. Он выглядел так же нелепо, как петух, которого разгневанная хозяйка гоняет по двору поганой метлой за то, что он клюнул её ребёнка. Врач, не желая вмешиваться в семейную сцену, остановился, не доходя до БТРа метров пяти.

– Курт, – закричал генерал. – Курт!

Младший Эйхманн передёрнул автомат и с выражением безмерного отчаяния на лице ткнул ствол себе под подбородок. Генерал замер на месте.

– Курт… – повторил он растерянно.

Рамон, опомнившись, бросился вперёд и цепко схватил генерала под локоть:

– Назад! Отойдите, я прошу вас!

Старший Эйхманн невидящим взглядом посмотрел на него и сделал шаг назад.

– Ещё отходим, – сказал Рамон, увлекая его за собой.

Старший Эйхманн не сопротивлялся. Рамон пристально посмотрел на Алоиза через плечо. Тот что-то мягко сказал Курту. Слов Рамон не разобрал, но интонации Алоиз выбрал верные – младший Эйхманн медленно опустил автомат. Завизжав тормозами, рядом с Рамоном и отцом Курта остановился сине-белый «форд». Из окна высунулся Рамирес.

– Поедемте к центральным воротам, Эйхманн, – сказал генерал. – Говорят, там будет главный прорыв…

Рамирес не заметил Курта за спинами рыжеволосых братьев. Старший Эйхманн молча открыл дверцу и сел в машину. «Форд» зарычал, выбираясь из лужи, и стронулся с места.

Рамон обернулся. Курт стоял у «каймана», закрыв глаза и тяжело опираясь на автомат, как на костыль.

– Завязывайте с кокаином, Эйхманн, – гневно бросил Рамон. – Я вам это как врач говорю!

– Вы слишком строги к нему, герр доктор, – мягко сказал Алоиз. – Иногда случается, что…

– Давайте вы не будете говорить, что мне делать, а я не скажу вам, на что сесть[3], – поморщился Курт.

Алоиз с тревогой посмотрел на врача, но Рамон неожиданно усмехнулся:

– А я уже давно там сижу, и ножки свесил.

На лице Алоиза появилась неуверенная улыбка. Ухмыльнулся даже Курт. Адольф шумно, с облегчением выдохнул.

– Не спорю – иногда попадёшь в такую передрягу… – сказал Рамон. – Но, может, лучше не загонять себя в тупик, чем потом всякую дрянь жрать?

– Вы совершенно правы, герр доктор, – произнёс Алоиз почтительно.

Курт вдруг скривился, словно от боли.

– Извините нас, мы на минутку, – сказал Алоиз.

Он обнял Курта за плечи и повёл за БТР. За машиной друзья остановились. Адольф забрался внутрь. Рамон ощутил влагу на лице и непроизвольно облизнулся. Дождь, собиравшийся с самого утра, наконец начался. Врач ещё увидел бритый, измазанный чёрт знает в чём затылок Курта, когда младший Эйхманн, вздрагивая всем телом, уткнулся лицом в плечо Алоизу.

А затем башня «каймана» развернулась, скрывая друзей от взглядов назойливых чужаков.

Утомлённый Алоиз сидел на мокрой земле, прислонившись к колесу. Курт стоял спиной к нему и курил, пряча от дождя сигарету в кулаке. Алоиз смотрел, как на бритом затылке друга оседают капли дождя. Они повисали на коротких светлых волосах, собирались в струйки и стекали за шиворот набухшего от влаги чёрного свитера. Курт передёрнул плечами, выходя из глубокой задумчивости, и провёл рукой по голове, стирая воду. Алоиз воспользовался моментом и тихо спросил:

– Может, хватит быть в контрах со всем миром?

Курт выпустил дым и покачал головой:

– Нет, в контрах со всем миром я был раньше. Теперь осознал, что это глупо. Теперь в контрах только с его определённой частью. Тоже глупо, но уже умнее.

– Курт, а не пора ли тебе стать тем, кто ты есть? – осмелел Алоиз.

Курт обернулся и посмотрел на него очень странным взглядом. Приободрённый, Алоиз продолжал:

– Вернуться к началу?

Курт отвернулся.

– Вряд ли мне удастся снова войти в те ворота, – сказал он жёстко. – Но твоя помощь, Алоиз, скоро будет мне нужна.

– Всё, что угодно, Курт, ты же знаешь, – ответил Алоиз.

– Ты можешь раздобыть немного пластита?

– Да хоть вагон. Какой объект?

– Примерно такой же, – Курт махнул рукой в сторону зоны.

– Ну, пластита не пластита, а что-нибудь подходящее найду, – кивнул Алоиз.

– А кто сейчас работает на телепортационной установке?

[3] Если бы Эйхманн говорил по-русски, это звучало бы как «куда вам идти».

– Толстый Фриц.

– Ты можешь с ним договориться на переброску, но так, чтобы это не фиксировалось нигде? Деньги у меня есть.

– Не, он нас запалит, – покачал головой Алоиз. – А тебе вообще далеко надо? Может, на этом доберёмся?

Он похлопал по ободу колеса. От удара несколько размокших комков грязи сорвались и рухнули в колею. Курт задумчиво осмотрел машину.

– А кто материально ответственный? – спросил он. – Не хотелось бы никого подставлять, если…

– Машина записана на меня, – сказал Алоиз спокойно.

– Значит, договорились, – произнёс Курт.

– Охранники покидают периметр! – пронеслось по цепи. – Расчётное время раскрытия «пружины» три-пять минут! Всем занять свои места!

– Там какая «пружина», типа А или В? – спросил Алоиз.

– В.

– И то хорошо, хоть трупы убирать не погонят.

– Полезли, – сказал Курт.

В глазах Алоиза плеснулось тёмное счастье. Курт поднял руку, словно защищаясь, и произнёс:

– Конечно, я с вами поеду… А ты что думал?

Обойдя БТР, Курт заметил в толпе Рамона. Врач стоял, опершись на бампер полицейской машины, и курил. Невозмутимый Рамон среди бегущих в разные стороны солдат казался глазом урагана. Курт поманил его рукой.

– Какой феерический писец, – рассеянно сказал Рамон, глядя за спины друзей.

Они обернулись. Над зоной стремительно и бесшумно росла вверх сияющая зелёная спираль. Она заметно качалась из стороны в сторону, как вырвавшаяся из матраса пружина, отчего и получила своё название.

– Ты как будто первый раз это видишь, – Курт пристально глядел на Рамона.

– На Мальвинах была не «пружина в коробке», их тогда ещё не разработали, а «зиккурат», – ответил Рамон.

Достигнув заданного размера – чуть выше здания администрации колонии, – спираль на миг застыла, сменила цвет с салатно-зелёного на цвет болотной тины, и заполнилась внутри розовой дымкой.

– Ну, сейчас начнётся, – пробормотал врач.

Спираль выплюнула в небо ядовито-розовый поток. Дым, на глазах твердея, устремился вниз. Когда розовые потёки достигли земли, стало очевидно, что основанием пирамиды является периметр колонии. Спираль заискрилась.

– Если ты знаешь, что здесь сейчас начнётся, – тихо сказал Курт, – так бери ноги в руки и чеши отсюда!

Рамон оторвался от созерцания спирали, которая начала крутиться. Она крутилась всё быстрее, постепенно расширяясь в основании. Врач отрицательно покачал головой.

– Курт, я в Буэнос-Айресе родился. И гулял там не только по площади Сан-Игнасио… С обрезом как-то справлялся, неужели ты думаешь, что автомат в руках не удержу?

– Тогда поедешь с нами. Поможешь мне, – сказал Курт.

Алоиз ловко забрался на броню и откинул люк. Рамон недоверчиво посмотрел на Курта.

– Я до сегодняшнего утра был человеком, – сказал врач тихо.

– Выбирать не приходится, – вздохнул Курт. – И кстати, имей в виду – мы с тобой заразны.

– И что теперь? – тихо спросил Рамон.

– Охранники угостили тебя кокаином? – Последовал кивок. – Тогда дня три в запасе у тебя есть…

Врач покачал головой и ухватился за скобу, чтобы залезть наверх.

– Иезус Мария, – пробормотал он. – Что это такое?

Ворота колонии побелели, словно раскалившись. Стальные листы вспучились огромным пузырём. В них появилась сияющая дыра. Края отверстия, сначала бывшего не больше футбольного мяча, стремительно расползались в стороны. Сквозь свет отчётливо видны серые лохматые морды.

– Монстры пошли на прорыв! – закричали рядом. – Со штабом не связаться, сплошные помехи!

– На такое волки и свиньи не способны. Такие штуки могут откалывать только подобные нам, – сказал Курт.

Рамон сплюнул.

– И нам с тобой придётся загнать их обратно. Я могу или стрелять, или защищать себя; тебе придётся меня прикрыть.

Рамон запрыгнул на броню и скрылся в люке. Загрохотал мотор – Адольф завёл «кайман». Курт запрыгнул в БТР и закрыл люк.

– Поехали, – сказал он Адольфу.

Сначала всё шло как всегда – Адольф вёл, Алоиз косил противника из пулемёта, а пассажиры сидели на полу и помалкивали. Вдруг у Рамона зашумело в ушах, как это бывает при резком повышении давления.

– Чёрт, – пробормотал Адольф и стал ожесточённо тереть нос.

Алоиз перестал стрелять. Курт проворно поднялся на ноги и стащил его с места стрелка. Гул в ушах Рамона нарастал. Когда шум стал нестерпимым, врач непроизвольным движением отгородился от него – словно опустил на окне звуконепроницаемую штору. Адольф упал лицом вперёд. Рамон воспользовался случаем и приник глазами к освободившемуся видоискателю.

Площадка перед воротами колонии представляла собой кровавое месиво из тел. Адольф, теряя сознание, заглушил мотор, но не все водители «кайманов» успели сделать это. Прямо на глазах Рамона два неуправляемых БТРа столкнулись лоб в лоб. Рамон развернул видоискатель. Никто не стрелял; монстры шли по трупам, а люди, ожидавшие их за «кайманами», катались в судорогах по земле. Чудовища играючи рвали солдат, которые были не в силах ответить им ничем.

Рамон снова крутанул ручку и наконец увидел дирижёров этого спектакля.

Они неторопливо вышли из ворот колонии, оставив за своими спинами всё сильнее разгонявшуюся темно-зелёную спираль. Их было пятеро, трое мужчин и две женщины. Двое носили тёмно-зелёные ватники заключённых. Увидев на одной из женщин изумительно элегантное тёмно-синее пальто и шляпу с пером, Рамон испытал краткое, но мощное чувство нереальности происходящего. Однако он быстро сообразил, что женщина, очевидно, приехала на свидание к мужу или любовнику. Оставшихся двоих он узнал. Это была секретарша Винченцо Элоиза и его же младший лаборант, Маттео. Эти двое о чём-то переговаривались между собой. Рамон видел, как шевелятся их губы. Элоиза засмеялась.

– Ты готов? – спросил Курт.

– Да, но я же не знаю, как…

– Рамон, бля, а я не знаю, как ты всё это видишь. Сделай уж как-нибудь!

Рамон оторвался от видоискателя и представил на голове Курта каску.

– Давай, – сказал врач.

Он не слышал, как Курт выстрелил, потому что в тот же миг на его собственную голову опустился пудовый молот. Его мозги словно бы брызнули через уши. Врач непроизвольно зажал уши руками, плача и воя от боли. Но он не переставал думать о каске, нацистской каске с

рогами времён второй мировой, нахлобученной на голову Курта. Рамону казалось, что сейчас его голова разорвётся. Но вдруг всё кончилось так же внезапно, как и началось.

Адольф сел и посмотрел на Рамона безумными глазами.

– Что это было? – спросил он.

Врач не успел ответить. Мягкая темнота обняла его, и он грузно осел на пол.

– Рехнуться можно, – изумился Адольф.

Но тут многолетние навыки взяли своё. Адольф посмотрел в видоискатель и тут же позабыл о Рамоне. Двигатель зарычал, и «кайман» закрутился на месте. Время от времени Адольф бросал его из стороны в сторону, словно бешеную блоху на раскалённой сковороде. Алоиз ударился головой о сапоги Рамона и очнулся.

– Ты не можешь вести поровнее? – недовольно спросил он брата.

– А ты не мог бы пострелять немножко, а то мне, знаешь, приходится давить их! – огрызнулся Адольф.

Алоиз изменился в лице и стащил Курта с сиденья. Быстро проверив пульс, Алоиз убедился, что друг жив, и осторожно опустил его на пол.

– Ему нужен свежий воздух, – сказал знакомый голос прямо в ухо Рамону.

– Ему уже ничего не нужно, – возразил другой.

Врач почувствовал, как его поднимают. Он открыл глаза и увидел надвигающийся сверху сияющий круг.

– А я не верил в эти байки про свет в конце тоннеля, – пробормотал Рамон.

Внизу кто-то хихикнул. В центре круга появилось лицо Адольфа.

– И правильно делали, док, – он ухватил врача за плечи и вытащил из БТРа. – Осторожно, ножками, вот так…

Дрожащий Рамон привалился к «кайману» – ног он ещё не чувствовал. Наверху что-то загрохотало, и в грязь рядом с ним спрыгнул Курт. Последними спустились близнецы. Адольф молча достал флягу, сделал несколько глотков и передал брату. Алоиз пить не стал, но вопросительно посмотрел на Курта. Тот отрицательно мотнул головой.

– Хотите шнапса, герр доктор? – спросил Алоиз.

Рамон кивнул. Алоиз протянул ему фляжку. Он сделал несколько глотков. Шнапс обжёг пищевод, и в глазах у Рамона прояснилось. Он огляделся.

В тучах над зоной зиял узкий овальный колодец. Из него лился серенький свет усталого солнца. Применение «пружин» всегда вызывало такой эффект. Всё вокруг было завалено сплетёнными телами людей и монстров. Рамон несколько секунд смотрел на тела пятерых людей – двоих заключённых, даму в элегантном пальто, Маттео и Элоизу. Они, точнее то, что от них осталось, – а осталось немногое, Курт стрелял очень хорошо – лежали посреди пустого пятачка у самых ворот. Рамон ощутил приступ тошноты и отвёл глаза. Три БТРа гоняли по полю с десяток уцелевших монстров, направляя группку от одного к другому короткими очередями с башен. Так опытные футболисты пасуют друг другу мяч. Водители явно забавлялись. Чудовища метались из стороны в сторону, воя от ужаса и обречённости. Рамон вернул флягу и тут увидел радостных, возбуждённых людей, со всех сторон идущих к их БТРу. Курт очень быстро понял, что они намерены делать.

– Да не надо, ребята, – сказал он. – Ещё уроните, блин…

Рамон выскользнул из толпы. Ему был необходим свежий воздух.

Кай Эйхманн помчался к западным воротам колонии на своём лендровере, едва тёмно-зелёная спираль и розовый защитный контур «пружины» растаяли в воздухе. Кай увидел дыру в воротах, распластанные тела и толпу людей около одного из «кайманов». Там кого-то качали с энергичными криками, длинное тело то и дело взмывало в воздух. Эйхманн остановился перед

опрокинутым полицейским «фордом». Отсюда Кай не мог видеть, кого там качают, но думал, что знает, кто это. Эйхманн вышел из джипа. На броне своей машины стоял один из близнецов Штайнбреннеров и вопил во всё горло. Кай прищурился. Это оказался тот из братьев, кого Кай и искал – на лице у парня не было шрама. Алоиз тоже заметил руководителя Шербе и отрицательно покачал головой.

Эйхманн прислонился к боку лендровера, стащил с головы пилотку и вытер лицо.

Вот и всё. Можно ехать домой.

Из-за перевёрнутой легковушки прямо на руководителя Шербе вышел темноглазый мужчина в грязном белом халате. Эйхманн узнал его – это он оттащил его от Курта. Врач тоже узнал его и сказал приветливо:

– Ваш сын сегодня прямо герой дня.

– Вы его врач?

Мужчина кивнул.

– Кай Эйхманн, руководитель Шербе, – глава нацистов протянул руку.

– Рамон Гонзалес, психиатр, – представился тот, отвечая на рукопожатие.

– Хотелось бы побеседовать с вами, Гонзалес, – сказал Кай. – Пойдёмте в джип.

– Вы понимаете, что я не всё могу вам рассказать? – Рамон пристально смотрел на руководителя Шербе.

– Что-то лучше, чем ничего, – Эйхманн криво усмехнулся. – Прошу.

Он сел в лендровер. Рамон обошёл машину. Эйхманн перегнулся через сиденье и открыл пассажирскую дверь.

Кай Эйхманн задумчиво постукивал крагой по рулю.

– Вот, значит, как обстоят дела, – заговорил наконец руководитель Шербе.

– Да. Общую картину я вам обрисовал, – ответил Рамон. – Ничего фатального в этом нет. Но наблюдаться надо. И, безусловно, сменить образ жизни. Больше Курту так жить нельзя.

– Вы подтвердите свои слова об этом учёном перед президентом Александром? – спросил Кай.

– Хоть сейчас.

– Тогда поедем, – Эйхманн завёл машину.

– Ваш сын был красивым подростком? – спросил Рамон.

В жёстком лице главы нацистов что-то сломалось. Волевые черты поплыли, как снег на дороге весной.

– Так он вам и об этом рассказал, – прошептал Кай Эйхманн.

Рамон смущённо потёр переносицу.

– Нет. Я не думаю, что Курт может обсуждать эту тему с кем бы то ни было, – сказал Рамон. – Но если я скажу, что увидел те события в голове одного из ваших парней, вы мне вряд ли поверите.

– Поверю, – выдохнул Эйхманн. – Вы удивительный человек, Гонзалес. Да и я видел, как вы разговаривали с Алоизом Штайнбреннером.

– Что Курт с ними сделал? – тихо спросил Рамон. – Как…

– Курт был очень хорошим гранатомётчиком, а стрелковое оружие никогда не любил. Говорил, что он не девчонка, чтобы вышивать бисером, – с трудом произнёс Эйхманн. – Но в доме Руделя была старинная винтовка, трофейная… Никто уж не узнает, как Курт до неё добрался. Фьессу и Шефферу он прострелил… самый низ живота. А Руделю вогнал в задний проход раскалённую кочергу и запер их, ещё живых, умирать в подвале.

– Если бы какие-нибудь выродки потребовали моего ребёнка, чтобы сотворить с ним такое, – негодовал Рамон, – я бы его застрелил или сам лёг, но не отдал бы! Или, может, вас не было в Шербе, когда это произошло?

– Я был дома, когда это случилось. Но я ничего не мог сделать, – сухо выговорил Эйхманн. – Между кланами Руделей и Эйхманнов старая вражда. Во время войны Рудель был в вермахте, а мы – в СС. Они взяли его… для того, чтобы раздавить меня.

– Им это удалось, – сказал Рамон безжалостно.

Президент и его секретарь стояли напротив раскуроченных центральных ворот колонии. Это направление прорыва было ложным, но бились монстры по-настоящему. Президентская свита куда-то исчезла. Винченцо умчался, скорее всего, потрошить трупы в поисках Нобелевской премии. Эйхманн уехал за сыном сразу, как только спираль отработала. Рамирес сказал, что такое дело надо отметить, и ушёл за тем, чем обычно отмечают. Александр только сейчас заметил электрошокер, который секретарь неуверенно крутил в руках.

– Где вы это раздобыли, Мигель? – спросил президент.

– Мне дал один парень из оцепления, – смущённо ответил тот. – Сказал, что вид у меня какой-то слишком ботанический…

Александр хмыкнул. Из-за угла колонии вывернул джип руководителя нацистов. С другой стороны появились Винченцо и Рамирес с бутылкой в руках. Они оказались рядом с Александром одновременно с лендровером Эйхманна. Винченцо раздавал пробирки, протирая их полой халата. Руководитель Шербе выпрыгнул из джипа.

– Присоединяйтесь, – предложил ему Рамирес.

– У нас не принято пить за рулём, – отказался Кай Эйхманн.

Александр увидел на пассажирском сиденье человека.

– Ну пусть хоть Курт с нами выпьет, – сказал президент.

Эйхманн дёрнул щекой. Дверца открылась. Из джипа выбрался полный мужчина в бушлате и очень грязном халате. Александру он показался смутно знакомым.

– Я уж и не чаял увидеть вас в живых, Гонзалес, – сказал Винченцо.

Александр сообразил, что видел Гонзалеса в записи допроса Курта.

– Говорят, вы с Куртом во время прорыва отмочили нечто невероятное? – Президент протянул Рамону свою наполненную пробирку.

– Это всё Курт, – ответил Рамон. – Я только прикрыл его.

– Обеспечение тылов – одна из самых важных стратегических задач во время боя, – наставительно произнёс Рамирес.

Александр взял себе пробирку из рук Винченцо. Учёный сердито покосился на Гонзалеса – из-за него он остался без тары. Президент и его свита выпили молча, без тостов.

– Нам пора возвращаться, – сказал Кай Эйхманн.

– Разрешите поблагодарить вас, – начал президент. – Правительство Аргентины в моём лице готово…

– Мне ничего не нужно, – перебил его Эйхманн.

Рамирес от такой дерзости поперхнулся спиртом.

– Я приезжал сюда за сыном. Но он отказался вернуться домой, – продолжал Эйхманн. – Я знаю, что по вашим законам Курт считается преступником. Нельзя ли как-нибудь решить этот вопрос… амнистия, например.

– Меня тоже бы очень устроило, если бы ваш сын уехал в Шербе, – вздохнул Александр. – Хорошо. За то, что он сегодня сделал, многое простится. Я думаю, даже всё. Но как же нам быть дальше? Один такой человек, как Курт, находящийся на свободе, опаснее всех этих монстров… – Он пнул валявшийся рядом труп медведя.

– При президенте Пероне существовал пост советника президента по делам идеологических меньшинств, – подал голос Мигель. – И если руководство Шербе утвердит кандидатуру Курта Эйхманна…

– Утвердит, – заявил Кай.

Рамирес налил всем по второй.

– Вот и замечательно, – сказал Александр. – Вы уверены, что не хотите выпить с нами? Посадите за руль кого-нибудь…

– Ничего, что из моей пробирки? – спросил Рамон.

Эйхманн махнул рукой и взял пробирку у молодого врача. Винченцо совсем потемнел лицом – уже второй круг его обходили.

– Прозит, – и Эйхманн выпил.

– Я вас очень прошу, – голос нацистского руководителя прервался, но он справился с собой и продолжал: – Не ставьте над Куртом больше никаких… опытов.

– Так это ведь не мы, герр Эйхманн, – начал Александр.

Кай Эйхманн молча посмотрел на учёного.

– Винченцо? – спросил президент.

Тот опустил глаза и забормотал:

– Ну, вы понимаете, мы хотели изучить этот вирус… Мы искали вакцину…

– И для этого били бедного парня током? – безжалостно спросил Рамон.

Рамирес тихо крякнул. Александр прищурился, лицо его стало жёстким.

– Мигель, – обратился он к секретарю, – дайте-ка эту штучку герру Эйхманну.

Винченцо попятился.

– Прекратите! – визгливо прокричал он. – Научный интерес…

Мигель подал главе нацистов электрошокер.

– Валяйте, Эйхманн, – сказал Александр. – Отведите душу. У вас был тяжёлый день, но у Курта-то таких дней было гораздо больше…

Президент посмотрел на Рамона и добавил:

– Если у вас возникнут проблемы на работе, Гонзалес, обращайтесь прямо ко мне.

Винченцо закричал.

Ветер взметнул к небу столб серого пепла, закрутил его в карикатурном подобии отработавшей «пружины» и понёс развеивать по пампасам останки живых существ, по несчастливой случайности в тот день оказавшихся в исправительной колонии рядом с Кармен-де-Патагонес.

Огромная чёрная машина выкатилась из ворот федеральной телепортационной установки в Санта-Карлос-де-Барилоче перед самым рассветом. Низкий гул – словно заходил в пике тяжёлый бомбардировщик – накрыл деревушку. Джип промелькнул по главной улице, плеснул водой из луж и исчез в джунглях. Дорогу на Рио-Лимай так и не заасфальтировали. Грунтовка хорошо укатана, и вести «хаммер» одно удовольствие.

– Как на новой должности? Осваиваешься? – спросил Карлос.

Он сидел на переднем пассажирском сиденье и с интересом осматривал окрестности.

– Да, вникаю потихоньку, – ответил Курт.

Джип Курта промчался по пустому пляжу, разбрызгивая мокрый песок. Машина остановилась около неприметного бунгало в дальнем конце пляжа. Помощник президента по связям с общественностью назначила здесь сегодня встречу помощнику президента по вопросам идеологических меньшинств. Мотивировала это тем, что, когда она последний раз посещала с деловым визитом квартиру последнего, с ней уже поздоровались соседи. Да и обсуждение дипломатических процедур, связанных с ожидавшимся на следующей неделе прибытием делегации из США, требовало сосредоточения и уединённости.

Курт заглушил мотор и некоторое время смотрел на толстые разводы, струящиеся по стеклу. Он никак не мог привыкнуть, что может быть так много воды сразу. На космическом корабле вода всегда сочилась из-под крана тонкой струйкой. Душ казался даром богов. Пере-

гнанная по восьмому циклу питьевая вода отдавала тухлятиной, несмотря на все ухищрения инженеров. Когда стали добавлять лимонную отдушку – тухлым лимоном.

Курт вышел из джипа и немного постоял, чувствуя, как вода стекает по голове за шиворот, как намокает рубашка и холодные струи текут по телу, а затем побрёл к полосе прибоя. Курт вошёл в океан – в ботинках и так уже хлюпала вода – и дождался, когда его накроет очередной волной. Вода оказалась прямо-таки ледяной. Порезы, оставшиеся на лице после утреннего бритья и о которых он уже забыл, вспыхнули огнём. Курта потянуло вслед за уходящей водой, но он выстоял. Он чуть расслабил губы. Он знал – не помнил, а знал, – что океанская вода очень солёная, но хотел ощутить это сам. И Курт ощутил.

Он попытался развернуться и понял, что его сейчас опрокинет водой. Курт, пятясь, как краб, выскочил на пляж. Ботинки оказались в каком-то дерьме. Курт подумал, что Лана опять будет воротить нос, но снова войти в воду и помыть обувь оказалось выше его сил. Он вернулся к джипу, взял валявшееся на переднем сиденье пальто и вошёл в бунгало.

– Привет, – сказал он размытому силуэту на кушетке.

– Восемьдесят восемь, – лениво откликнулась Лана. – Фу, где ты был, у тебя ботинки, как у бомжа… Ты купался, что ли? А тебе не говорили, что одежду перед этим снимают? Раздевайся, брось всё на калорифер и иди сюда. Обсудим этикет международных встреч…

Курт бросил пальто на стул, присел на корточки у стены и закрыл лицо руками. Лана приподнялась на локте. Клетчатый плед сполз с неё, и оказалось, что Лана лежала на кушетке полностью одетая, в деловом пиджаке и строгой белой блузке.

– Что с тобой, Курт? – спросила она.

Он молчал. Лана спустила ноги на пол, начала надевать туфли, но не смогла справиться с замочком, и подошла к парню босиком. Курт обхватил её ноги, уткнулся лицом чуть выше места, где кончалась короткая юбка.

– Я сейчас вошёл в океан, и мне вода в рот попала, – сказал он. – Она такая на вкус… как гнилая кровь. И я увидел… кровь течёт из трупов, лежащих на полях сражений, собирается в ручейки, и Рио-Негро рыжеет, а океан становится алым…

Лана вздохнула, погладила его по голове.

– Ну, Рио-Негро всегда такая, ржаво-красная, Курт. Это не из-за крови, а из-за почв, по-моему, по которым она протекает. А вообще, конечно, вовремя ты сменил работу.

Курт поднялся на ноги.

– Теперь ты готов слушать, как нужно вести себя на официальных приёмах?

– Подожди, – он направился к своей сумке. – Сначала кокс.

Он вынул из сумки круглое металлическое зеркало, соломинку и перекрученный проволокой пакетик.

– Я не хочу, – капризным голосом сказала Лана у него за спиной.

– Ты же не хочешь, чтобы Александр стал таким, как мы? – спросил Курт, делая четыре дорожки. – И причём *таким* он не станет – он ведь на «лестницах» не бывал, – а превратится в козла какого-нибудь…

– Это вредно… Мы от этого умрём… Должен быть другой способ.

– Скажу тебе даже больше – он наверняка есть, – сказал Курт. – Но мы с тобой благополучно откинем копыта задолго до того, как его обнаружат. От рака или от кокса. По крайней мере, так говорил тот умник из лаборатории.

Закончив приготовления, Курт повернулся. Надувшаяся Лана стояла около окна. Он подошёл к ней.

– Ну давай, – и протянул соломинку. – Дорожку за маму, дорожку за папу… Вот так, умничка, – сказал Курт, глядя на склонившуюся перед ним белокурую голову.

Лана села на подоконник и закрыла глаза. Он положил зеркальце на подоконник рядом, взял у неё соломинку и придвинул стул.

– Бля, как наждачкой по мозгам… – пробормотал Курт через секунду, вытирая выступившие на глазах слёзы. – Больше не буду брать кокс у этого урода – не иначе как мелом бодяжит, пидор…

Он выкурил сигарету, глядя, как дождь хлещет его джип. Чёрные бока машины блестели от воды, словно кожа косатки. Услышав его мысли, Лана, не открывая глаз, произнесла:

– Зря ты купил его. Многие в администрации считают, что для молодого парня это слишком дорогая игрушка.

– Срал я на этих многих, – сказал Курт небрежно и выпустил дым. – Они разве на велосипедах ездят?

Курт бросил окурок в угол и положил лицо ей на колени.

– Ты меня вымочишь, – сердито сказала Лана.

– Разве?

Лана почувствовала, что рубашка парня, с которой только что лило ручьями, уже сухая.

– Как ты это сделал? Температуру тела поднял? Но кровь ведь сворачивается при сорока двух…

– Я заставил воду уйти, – ответил Курт. – Давай помолчим.

Он ощутил мягкую, тёплую ладошку Ланы у себя на голове и закрыл глаза. Лана нежно провела рукой по коротко стриженным волосам.

– У тебя красивый затылок, Курт.

– Ты ещё скажи, что у меня уши красивые, – пробурчал он.

– Ну, уши у тебя тоже ничего, – заметила Лана. – Я имею в виду, у тебя вообще череп удачной формы. Не каждому пойдёт стричься под лысого – знаешь, у людей там бывают шишки и какие-то наросты, ну чисто Париж после атаки телкхассцев. А у тебя голова такая ровная, гладкая…

– Что ж ты хочешь, – усмехнулся Курт. – Семьдесят пять лет генетической селекции.

Движения руки, ласкавшей его, замедлились. Парень услышал, как Лана всхлипнула, и поднял голову.

– Ты чего?

– Знаешь, – сказала Лана, – в Древнем Китае была такая мода – детей почти сразу после рождения закатывали в вазу изящной формы. Кормили, поили, ребёнок рос и заполнял вазу своим телом. Потом вазу разбивали, и человека помещали в покоях как предмет интерьера – ни ходить, ни вообще самостоятельно двигаться он уже не мог, кости застывали. Хотя продолжал расти, конечно…

– Я тебе такого ребёнка напоминаю, что ли? – сказал Курт. – Так это неточное сравнение. Я свою вазу разбил. Теперь и для украшения интерьера не гожусь, и ходить толком так и не научился…

Лана всхлипнула. Он вздохнул, потянул её юбку вверх и наклонился.

– Не надо, – она хихикнула. – Перестань, щекотно. Давай лучше за руки возьмёмся…

– Лана, я от этого очень устаю, – сказал Курт. – Это то же самое, как если бы я десять раз подряд кончил…

– Пожалуйста, Курт, – заканючила Лана. – Я так люблю смотреть, как танцует твой этот бог… А я тебя на звездолёте покатаю…

– Вот нечто новое и оригинальное, о да, – проворчал он. – А потом что? Мне опять по полу ползать, извиваясь, как параличному? Тебе же не поднять меня…

– Ну, я здесь подмела, вообще-то… Пока тебя ждала.

Курт расхохотался.

– Молодец. Но давай лучше приляжем.

Они прошли к кушетке, слишком тесной для двоих. Курт запнулся о сумочку Ланы, стоявшую у изголовья, и повалился вниз, увлекая девушку за собой.

– Может, всё-таки традиционно попробуем? – Он ловко расстёгивал её блузку.

– Не-е-е! Но и ты тогда рубашку сними, – сказала довольная Лана.

Они улеглись рядом, и он взял её за руку.

– Курт, дай вторую.

– Не будь жадной. Хватит тебе и одной. Вот лопнет у меня в башке жилка какая-нибудь в самый интересный момент, знаешь, как тебя скрючит?

– Курт, ну пожалуйста… Это ведь то же самое, как «я войду только наполовину, и ты наполовину останешься девочкой».

– Ха-ха… уговорила.

– «Он сказал: „Поехали!“ и махнул рукой…»

– Ты каждый раз это повторяешь, хоть бы объяснила, что это значит.

– Это слова первого звездолётчика в мире, Курт.

– А, ну да, он же был из ваших…

– Смотрите, как стартует Курт!

– «Мы любим жизнь, – низким, не своим голосом начал он, – но не потому, что к жизни, а потому, что к любви мы привыкли…»

– ЗВЕЗДОЛЁТЧИК КУРТ!

– «В любви всегда есть немного безумия. Но и в безумии всегда есть немного разума».

– ЗВЕЗ-ДО-ЛЁТ-ЧИК КУРТ!

– «И я бы поверил только в того бога, который умеет танцевать…»

– ЗВЕЗ-ДО-ЛЁТ… Я больше не могу! Курт, я тебя не чувствую…

– Глупая, я же как старинная ракета-носитель, я могу только вывести тебя на орбиту и отвалиться…

– Продолжай! «И когда… пойдёшь к женщинам…»

– «…тех звёзд, что видишь ты, мне не увидеть…»

– ВОЗЬМИ С СОБОЙ ПЛЕТЬ!

– Никогда! Ни-ког-да! НИКОГДА-А-А-А…

Впереди мелькнула синяя лента реки. Курт вспомнил, как он в детстве ловил форель с мостков.

– Говорят, ты был удачливым рыбаком? – в такт его мыслям спросил Карлос.

– Не то чтобы очень, – ответил он.

Курт увидел впереди высокую стену, сложенную из толстых брёвен и утыканную поверху стальными прутьями.

– Вот мы и на месте, – сказал он.

Курт свесился с кушетки и достал сигареты из валявшейся на полу чёрной шёлковой рубашки.

– Раскури и мне, – попросила Лана у него за спиной.

Он зажал губами две сигареты. Раскурить удалось не сразу – у него сильно дрожали руки. Наконец он справился и протянул сигарету Лане.

– А ведь ты думаешь совсем не о космосе, – задумчиво проговорила она, выпуская струю дыма в потолок. – Ты думаешь о каких-то деревянных воротах, больших, утыканных кольями. Но это не шлюз в Кармен-де-Патагонес – тот был из стали… Ты хочешь вернуться домой?

– Нет, – сказал Курт утомлённо.

Он сел и натянул рубашку. Лана смотрела на его лицо, стёртое от наслаждения, как профиль на старинной монете.

– Скажи, у тебя дети есть? – спросила она совсем другим голосом.

– Гм… Не уверен.

– А у меня нет. И никогда уже не будет. Мне ещё после Парижа врачи сказали, что для этого должно произойти чудо, а уж теперь…

Лана сломала сигарету, бросила её на пол и отвернулась. Курт вздохнул, тоже затушил сигарету и наклонился к женщине.

– А я что, совсем не тяну на чудо?

Лана повернулась лицом к Курту. Глаза у неё были заплаканные. Она обняла его за шею.

– Поцелуй меня, – сказала она. – Чудо не чудо, но целуешься ты чертовски хорошо.

– Лана, я так хочу тебя, что если ты мне не дашь, я сейчас просто умру…

– Да вы шантажист, герр Эйхманн.

– Ja…

Курт бросил окурок в ров и рассеянно проследил за его полётом. Алая точка на конце сигареты напомнила ему калорифер в бунгало. Обогреватель светился ровным, мягким светом, когда их с Ланой тени метались на стене.

Пышная ряска во рву успокоилась. Парень подошёл к мощным деревянным воротам и прижался к ним. Курт вдохнул аромат смолёных досок и словно кот потёрся о ворота всем телом. «Всё-таки это жуткая головная боль, когда женщина слышит мои мысли, – подумал он. – Хоть первый раз в жизни повезло – мне Лана досталась…»

– Ну и хитрюга же ты, Курт, – засмеялась Лана. – Ракета-носитель, недоступные звёзды…

Довольный Курт показал ей язык.

– Вот будет Александру теперь на ком потренироваться в стрельбе, – добавила Лана.

– Брось, – лениво сказал Курт. – Он не боец.

– С чего ты взял?

– Был бы боец – уже женился бы на тебе.

– Развод для президента вообще сложная штука, а в католической стране – просто невозможная, – грустно сказала Лана.

– А я бы развёлся, – сказал Курт. – Попрут с президентского кресла? Ну и чёрт с ним. У меня такая профессия, что голодать я никогда не буду. И тебе на тряпки хватит, не боись. Потом ещё сами придут, будут просить, чтобы вернулся. Он тебя просто не любит. А я – люблю.

Лана приподнялась на локте.

– И всегда вы, нацисты, бросаете своих любимых мутантам, чтобы спасти свою жалкую шкуру? – Она прищурилась.

– Не путай мягкое с тёплым, а личное – с государственным, – спокойно заметил Курт. – Если мне из-за интересов страны придётся отказаться от единственного человека, которого я люблю, с которым я могу быть счастлив, – я это сделаю. Но и с молоденькими помощницами «по связям с общественностью» похоть тешить никогда не буду, поняла? Человеческая жизнь – не самый ценный товар. Но моя тогда была дороже твоей, вот и всё. Я должен был оттуда выйти, кроме меня, никто не сможет… а, ладно.

– А я тебя и сейчас не люблю, – процедила Лана сквозь зубы.

– Только, пожалуйста, трахайся так же, как сегодня, – мечтательно произнёс Курт. – А без любви я как-нибудь проживу.

Парень поднялся и стал одеваться.

– Ты ещё вот над чем поразмысли, – жёстко сказала Лана. – Ты этого не сказал, но я твою мысль слышала – от тебя тоже когда-то отказались, да попросту предали… ради высших

интересов… А ты этого человека уважаешь теперь? Счастлив он? Или готов бежать хоть на край света за тем, чего уже никогда не вернуть?

Взгляд Курта стал пустым и страшным, как в тот миг в классе исправительной колонии, когда Лана посмеялась над его безумием. Курт молча надел кашемировое пальто и пошёл к двери, но покинуть бунгало не успел. Обнажённая Лана появилась в воздухе между ним и выходом.

– Прости меня, – она обняла его. – Прости, Курт… Я же не знала, что тебе всё ещё ТАК больно…

– Ты знаешь, и ***как*** меня предали? – неестественно ровным голосом спросил Эйхманн.

– Да ну что ты, Курт, – сказала Лана. – Это же очень глубоко в тебе сидит. Так, мелькнула тень от винтовки, и всё… Ну, ещё кочерга какая-то…

Курт согнулся пополам. Лане было не по силам удержать его, и они оба оказались на полу. Он, задыхаясь, уткнулся лицом ей в шею. Лана почувствовала, как что-то горячее потекло по её плечу. Сказать ему что-нибудь ещё она боялась; она прижала его к себе и ждала, пока Курт выплачется.

Он последний раз глубоко вздохнул и вытер лицо рукавом пальто.

– Извини. Мне последнее время чего-то очень уж сильно башню рвёт, – сказал Курт и высморкался. – Никогда не плакал, а тут за неделю второй раз. Схожу к Рамону.

Лана, понимая, что третий раз может закончиться только её смертью, спорить не стала. Она очень осторожно улыбнулась Курту и промолчала. Он посмотрел на неё и горько усмехнулся.

– Ну вот, – он вытащил из кармана носовой платок и вытер плечо, грудь и руку Ланы. – Теперь и ты меня боишься. Странные вы всё-таки люди, русские.

Курт поднял на неё глаза:

– Обычно меня боятся, когда я сержусь.

– Я боюсь не тебя, – сказала Лана. – А за тебя, Курт.

– Разве сейчас не сбылась твоя самая шокирующая эротическая фантазия? – спросил Курт.

Она покачала головой.

– Нет? – Он приподнял брови. – А какая же тогда?

Лана наклонилась к его уху и что-то прошептала.

– Можно, конечно, – хмыкнул Курт. – Но сколько же это народу потом грохнуть придётся?

Лана вздохнула и пожала плечами, мол, нет так нет. Её внезапно пробила дрожь.

– Да ты совсем замёрзла, – Курт поднял её с пола и отнёс на кушетку. – Я поеду – пора…

Он укутал Лану пледом.

– Так и не поговорили о приёме делегации…

– Всё равно я вряд ли смог бы присутствовать там.

И тут Лана поняла.

– Лагерь… – прошептала она. – Вот что это было за дело, которое не сможет никто, кроме тебя…

– Принимай кокс не реже, чем раз в три дня, – сказал Курт, целуя ее. – Очень тебя прошу.

Курт попятился и с диким видом посмотрел на ворота – они вдруг сами собой дрогнули и подались внутрь. За ними оказался БТР братьев Штайнбреннеров. Алоиз – это он открыл ворота изнутри – подошёл к другу. Эйхманн и Штайнбреннер посторонились, давая дорогу «кайману». Алоиз протянул Курту какую-то бумагу, густо уляпанную печатями.

– Это ещё что? – спросил Курт, когда БТР проехал мимо и снова стало можно разговаривать.

– Свидетельство о разводе, – сказал Штайнбреннер. – Ты же просил.

Курт убрал документ в карман пальто.

– Как там Эрика-то? – спросил он.

– Да, они сошлись с Гансом, года два как. Ну, помнишь, такой, всё песни пел. Теперь поженятся, наверно. Ей же не давали развода и вдовой не признавали, герр генерал отказывался выдать свидетельство о твоей смерти… А с Эмилем всё в порядке.

– Она его всё-таки в честь дедушки назвала, – пробормотал Курт. – Ну, в порядке так в порядке.

– Мы можем осмотреть крепость, если хочешь, – сказал Алоиз мягко. – Пока все спят. К Эрике зайдём. Ведь ты уже перешёл этот мост…

Курт покачал головой:

– Вот Ганс-то обрадуется. Да и мой мост давно рухнул в воду… и там нет ни брёвен, ни даже крохотной соломинки, за которую я мог бы ухватиться.

– Курт, – сказал Алоиз, – твой отец не мог поступить иначе.

– Но я же смог, – возразил Курт. – Поехали.

Адольф заглянул в джип.

– Привет, Карлос, – сказал он, усаживаясь за руль. – У тебя пересадка. Или ты приехал написать репортаж о Шербе?

– В следующий раз, – усмехнулся журналист.

Карлос открыл дверцу, выпрыгнул из машины и направился к БТРу, стоявшему с открытым люком.

Утром Рамирес вызвал Рамона для беседы с глазу на глаз. Ничего хорошего от подобных бесед врач не ожидал, но на этот раз дело оказалось необычным. Рамирес признался Рамону, что боится разговаривать с Эйхманном без него. А именно генералу поручили забрать Курта с его квартиры перед отправкой президентского кортежа в Пуэрто-Мадрин. Туда сегодня прибывала делегация из Соединённых Штатов. Рамон оценил мужество Рамиреса – далеко не каждому генералу хватило бы духу признаться в подобном. Да Рамону и самому хотелось посмотреть, как живёт Курт, и он согласился сопровождать генерала.

Курт снимал квартиру в одном из старых кварталов Вьедмы. Водитель Рамиреса плохо ориентировался в этом районе, практически не затронутом переносом столицы, и «мерседес» долго колесил по тихим улочкам. Нужный дом нашли только по огромному чёрному джипу, припаркованному во дворе. Его заднюю дверцу покрывал толстый слой свежей грязи, из которой торчали какие-то сучья и ветки. Рамирес, Винченцо и Рамон вошли в дом и поднялись на лифте на один из самых верхних этажей.

Дверь квартиры Курта открылась. За ней стоял хозяин. Из одежды на нём были только чёрные джинсы, а обнажённый торс был примерно такого же цвета. Винченцо искал взглядом на теле Курта хоть одно живое место. На лице учёного медленно проступало выражение двоечника, обнаружившего, что Амазонки на карте Африки нет. Первым опомнился Рамирес.

– Эйхманн, вы совсем с ума сошли? – возмутился он. – Штатники вот-вот приземлятся в Трелеве, а у вас такой вид, будто три дня напролёт рожали и грузили цемент!

Курт взял лежавшую на полочке под зеркалом помаду и написал на нём:

Я буду в П.-М. к 14.00. В надлежащем виде.

Рамон очень задумчиво посмотрел на помаду. Она была того цвета, который подошёл бы женщине со светлыми волосами. Ну, или с рыжими.

– Вы уверены? – спросил Рамирес.

Курт кивнул.

– Хорошо, тогда мы поехали. Если уж не успеваете на космодром, подъезжайте сразу к четвёртому причалу, планируется прогулка с китами, – сказал генерал.

Курт посмотрел на Рамона.

– Разрешите мне остаться, – сказал тот.

– Разрешаю, – кивнул Рамирес.

Винченцо достал из кармана пальто пластмассовую баночку с яркой этикеткой витаминов.

– Ребята синтезировали препарат, – он протянул её Курту. – Догадка того журналиста, Агильеры, оказалась верной. Принимайте по одной капсуле в неделю. На этикетку не смотрите, просто другой банки под рукой не нашлось, чтобы отсыпать. На вкус страшная гадость. Но всё лучше, чем кокаин.

Курт принял банку, выразительно прижал руку к груди и чуть поклонился. Генерал вместе с Винченцо пошли к лифту. Рамон шагнул через порог. Курт закрыл дверь и махнул рукой в сторону комнаты, а сам направился на кухню.

– Извини, что я спрашиваю, Курт, – сказал Рамон, снимая пальто и вешая его на крючок. – Ты когда в последний раз принимал кокаин?

Курт остановился и жестом поманил врача к себе. Рамон вошёл в кухню вместе с ним. Курт открутил крышку с банки, вручённой ему Винченцо, вытряхнул оттуда капсулу и торжественно показал её Рамону. Свободной рукой Эйхманн открыл кран с водой. Затем отправил капсулу в рот, наклонился и запил.

– А что ты всё молчком? – осведомился Рамон.

Курт открыл рот. Обнаружилось, что передних зубов у него просто нет, ни на верхней, ни на нижней челюсти. Эйхманн выдвинул ящик стола, вытащил пакет, в котором по виду было никак не меньше трёх граммов кокаина, и высыпал в раковину, прямо под струю. Рамон глядел, как вода размётывает белый порошок, а потом поднял глаза на Курта. Тот, совершенно довольный собой, смотрел на врача, ожидая реакции.

– Я бы с радостью погладил тебя по голове, – сказал Рамон. – Но боюсь, что тебе это будет неприятно.

Курт ухмыльнулся так, что врач увидел торчащий из верхней челюсти обломок клыка, и наклонил голову. Рамон очень осторожно коснулся ладонью его головы и провёл от затылка ко лбу. Когда он хотел уже отнять руку, Курт вдруг схватил его за запястье. Рамон замер. Курт прижался лицом к его ладони и несколько мгновений стоял так, задыхаясь и дрожа всем телом.

Рамон знал, что сейчас надо обнять Курта. Но он знал и то, что даже думать об этом нельзя.

Курт отпустил его руку и, улыбаясь, посмотрел на Рамона. Куда-то пропало тёмно-синее, почти такого же цвета, как и глаза Курта, разбитое лицо; исчез жуткий чёрный провал между дёснами. В какой-то краткий миг врач увидел его таким, каким Курт был до того, как первый раз взял в руки винтовку.

Лицо Эйхманна сразу, рывком потемнело, словно опустилось забрало на средневековом шлеме. Рамону даже показалось, что он слышит скрежет ржавых шарниров. Курт повернулся спиной, открыл холодильник и присел перед ним на корточки. Рамон взглянул на свою руку – пальцы у него дрожали – и засунул кисть в карман брюк. Зазвенело стекло. Курт выпрямился. В руках он держал четыре бутылки пива. Эйхманн захлопнул холодильник ногой, и они прошли в комнату. Пол-стены занимал визор. Рамон очень обрадовался его серебристой отделке – визоры в чёрных корпусах стоили столько же. Врач глянул на стоявший у стены диван и даже прищурился от беззвучного цветового взрыва. На жёлтом фоне велюровой обивки мощно цвели огромные оранжевые орхидеи. Диван был из тех, что раскладываются вперёд, и в разобранном виде должен был занимать почти всю комнату. Рамон перевёл взгляд и обнаружил на окне оранжевый тюль в жёлтых цветочках, который чуть колыхался под ветром из открытой

балконной двери. Врач покачал головой, и не только потому, что открытый балкон для зимы был очень смелым жестом.

Квартиру обставлял не Курт.

Точнее, не ***один*** Курт.

Он указал врачу на дверь балкона.

– Надень что-нибудь, – сказал Рамон и отобрал у него пиво. – Сверхлюди тоже простужаются…

На балконе Рамон нашёл пару старых плетёных кресел и хромоногий столик, на котором стояла обрезанная жестяная банка, наполовину забитая окурками. Врач поставил пиво на стол и опустился в кресло. Пришёл Курт в чёрном свитере, который болтался на нём, как на вешалке, принёс открывашку, про которую сначала позабыл. Эйхманн сел во второе кресло и откупорил пиво себе и Рамону. Ожидать, что Курт завяжет беседу, не приходилось. Рамону тоже ничего не лезло в голову. Так они молчали, время от времени делая по глотку пива и глядя на совершенно безрадостный вид внизу. Когда врач открыл себе вторую бутылку, скопище лохматых облаков у самого горизонта вдруг почернело. Их восточный край нестерпимо засиял. На бледно-серое небо выкатилась раскалённая монета – солнце.

– Это хорошо, что сегодня солнце, – сказал Курт. – Я его давно не видел.

Рамон покосился на него. Лицо Эйхманна стало нормального розового цвета, от кровоподтёков не осталось и следа. Курт совершенно не пришепётывал; врач успел заметить между его губами полоску ровных, белых зубов.

– А что плохо? – спросил Рамон.

Курт отхлебнул из бутылки:

– Алоиз погиб.

– Он был счастлив умереть за тебя, я думаю, – помолчав, сказал Рамон.

– Это всё понятно, – мрачно произнёс Курт. – Вот только жить со мной почему-то никто не хочет.

Рамон понял, откуда ветер дует, и невольно улыбнулся.

– Перестань, Курт, – сказал он. – Мужчин с большим будущим обычно любят женщины с тёмным прошлым. Так что вы с Ланой идеальная пара.

– Так ты думаешь, что у меня большое будущее?

– Конечно, Курт. Это очевидно.

Тот недоверчиво хмыкнул, но развивать тему не стал.

– Лана скоро придёт к тебе на приём, – сказал он. – Сделай для неё всё, что сможешь.

– Хорошо, Курт.

Рамон увидел, как на скулах парня перекатились желваки.

– Она любит, когда её держат за руку, – с усилием выдавил Курт. – А ещё лучше – за обе руки сразу.

– Я понял тебя, – сказал Рамон.

– Не думаю, – пробормотал Курт. – Впрочем, неважно. Просто помни, что я тебе сказал.

Эйхманн встал и с наслаждением, так что хрустнули кости, потянулся. Рамон заметил полоску розово-белой кожи, когда свитер на животе Курта приподнялся.

– Спасибо, что побыл со мной, Рамон. Ты настоящий врачеватель душ, – сказал Эйхманн. – Но мне нужно собираться, если я не хочу нарушить дипломатический протокол. Ты обязан сопровождать меня в Пуэрто-Мадрин?

– Совершенно нет.

– Тогда оставайся дома. Посмотри вечерний выпуск международных новостей по главному каналу. Там Карлоса должны показывать. Он хвастал, что нарыл нечто сенсационное…

Рамон вздрогнул и молча кивнул.

Эйхманн направился с балкона в комнату. Вслед за ним поднялся с кресла и Рамон.

Огромный раздвоенный хвост обрушился в воду. Взметнулся сноп прозрачных брызг. Тёмно-карий глаз размером с голову Курта оказался прямо напротив него. Курт пристально посмотрел на кита. Несколько мгновений гигант держал голову на одном уровне с лицом Курта. Затем зверь фыркнул, выбросив вверх струю воды в форме латинской пятёрки, и перед глазами парня прошёл серый блестящий бок. Курт перегнулся через поручень и медленно погладил шероховатую упругую шкуру.

– Рискованный ты парень, – услышал он за спиной голос Александра. – Капитан ведь сказал, что их нельзя трогать. Киты хоть и миролюбивые животные, но слишком уж большие…

Курт обернулся. Президент стоял у лесенки, ведущей в кают-компанию, совершенно один. Он подошёл к борту и опёрся на поручни рядом с Эйхманном.

– Я готов поклясться, что ты говорил с ним, – заметил Александр.

– Так и есть.

Александр с интересом посмотрел на него.

– И о чём вы разговаривали?

Курт пожал плечами:

– Слишком другой разум, иные символы… Очень сложно перевести в нашу кодировку. Если вкратце, он сказал мне, что я опасен.

– Да, это бросается в глаза, – усмехнулся президент.

– Не для него, – сухо сказал Эйхманн. – Сам для себя. Очень мудрый оказался зверь…

Кит на прощанье ударил хвостом по воде, развернулся и поплыл прочь. Туда, где на безопасном расстоянии от яхты резвилась целая стая его сородичей – несколько тяжёлых самцов, самки и разнокалиберные подростки.

– И почему такие умные звери не живут на суше? – сказал Курт задумчиво.

– Земля не держит титанов, Эйхманн. Они ломают её.

– А динозавры? – возразил Курт. – Я ещё когда жил в Шербе, мы такой огромный череп в окрестностях Рио-Лимай нашли… Я мог в пасти не сгибаясь стоять.

– Так о чём я и говорю, Курт. Жили-были динозавры, да все вымерли. Кстати, – сказал Александр, – тебе Винченцо отдал пилюли? Ты их принимаешь?

– Какая трогательная забота о моём здоровье, – усмехнулся Эйхманн. – Да.

– Мне, честно говоря, наплевать, когда ты сдохнешь, – дружелюбно улыбаясь, ответил Александр. – Но дело в том, что ты такой здесь не один. Ладно, пойду я. Между прочим, Кайс про тебя уже два раза спрашивал. Я не могу бесконечно выражать ему своё сочувствие по поводу очередного налёта телкхассцев на Вашингтон. Давай подтягивайся.

– Разрешите, я присоединюсь к вам чуть позже, – ответил Курт.

Александр пожал плечами и ушёл. Но Эйхманн недолго был один. Курт услышал стук каблучков, чуть наклонил голову и улыбнулся.

– Так вот ты где, любимый – сказала Лана, обнимая его. – А я уж думала, ты не приехал. На алюминиевом заводе ты же с нами не был…

У Курта задрожали губы.

– Любовь моя, тебе нельзя ходить в костюме, – засмеялась Лана. – Ты выглядишь, как мальчишка, удравший со школьного выпускного…

Она заглянула ему в лицо.

– Опять? Океан крови? – испугалась Лана. – Пойдём отсюда, в кают-компании даже иллюминаторы зашторены. Пойдём…

Она взяла его за руку и потянула за собой. Курт не сдвинулся с места.

– Да что с тобой, любимый? – Лана уже по-настоящему встревожилась.

– Лана, – сказал Курт с усилием, – я бы тоже был бесконечно благодарен человеку, который доставил мне такие острые эротические ощущения, но не надо вот этого: «любимый…» Что, так трудно запомнить моё имя?

Он посмотрел на серое море и добавил тихо:

– Мне слишком больно.

– Но это правда, Курт, – сказала Лана спокойно. – Я тебя люблю.

Он перевёл взгляд на неё:

– Что-то новенькое. Ещё три дня назад ведь не любила.

– Не всё сразу, Курт…

– И надолго это? – осведомился он.

– Это не от меня одной зависит, – очень серьёзно ответила Лана.

Он наклонился и стал целовать её. В недрах яхты застучал двигатель. Прогулка с китами подходила к концу. Капитан заводил машину, чтобы вернуться в порт. Полоса белой пены, вырывавшейся из-под мотора яхты, ощутимо изогнулась, и волна, поднятая самим судном, толкнулась в борт. Лана, задыхаясь, прижалась к Курту. На пиджаке парня висели крошечные солёные капли, которые кольнули её лицо, словно иголочки.

– У тебя что-то в нагрудном кармане, – пробормотала она.

– Это тебе, – Курт отдал Лане банку с яркой этикеткой мультивитаминов.

– Зачем мне это? Это жевательные таблетки для детей.

– Это лекарство. Вместо кокса.

– Ух ты, как здорово, – сказала Лана. – Ты себе оставил?

Курт кивнул, и она спрятала баночку в карман. Эйхманн облокотился на поручни. Лана стояла рядом.

– А океан крови я, наверно, потому вижу, что воду давно не люблю, – сказал Курт. – Самые крупные неприятности на свою задницу я словил на рыбалке…

– Поймал себя на блесну, что ли? – смеясь, спросила Лана.

– Не я. Алоиз, мой лучший друг, – ответил Курт. – А когда я извлекал крючки из его задницы, нас увидели трое местных охотников за мальчиками. Это их сильно распалило. Мы шли по главной улице. Все знали, зачем они ведут меня к себе.

Улыбка Ланы погасла; она смотрела на него и слушала, не перебивая.

– И мой отец видел нас. Но он отвёл глаза. Тогда в Шербе как раз были выборы, и он был одним из кандидатов. Если бы он только поднял руку на Дитриха, охранники скрутили бы его, и участвовать в выборах отец точно бы не смог. И Дитрих остался бы руководителем ещё на пять лет, а мы от него уже и так волками выли… Алоиз шёл за нами всю дорогу, он плакал и умолял, и кричал: «Отпустите его, ведь это я стоял на карачках с голой задницей, возьмите меня, ну что вы к нему пристали?» И тогда Дитрих сказал мне: «Смотри, как он тебя любит. Трахни его, а мы будем смотреть. И на этом всё, мы вас отпустим». На его слово можно было положиться, такие случаи уже бывали. А если бы они взяли одного из нас, то просто убили бы потом. И Алоиз сказал, что согласен. А я сказал, что нет. Тогда Дитрих спросил: «А меня трахнешь?», – и я сказал да. И он сказал: «А потом я тебя». Да и кроме него желающие нашлись… А потом…

Курт думал, что Лана сейчас развернётся и уйдёт в кают-компанию, где даже иллюминаторы зашторены. Но она сказала задумчиво:

– Кочерга и винтовка. А твой отец выиграл выборы за отсутствием других реальных конкурентов и сел в кресло правителя Шербе… Молодец, что ещё скажешь… А ты…

Курт закрыл глаза и стиснул зубы. Лана смотрела на это лицо, жестокое и беззащитное одновременно.

– Ты убил троих грёбаных мудаков, после чего в Шербе стало намного легче дышать, отдал себя и потерял родину. Но друга не предал, – закончила Лана.

Курт вздрогнул и обернулся.

– Мама, роди меня обратно… Ты поняла, – пробормотал он таким голосом, которого она у него ещё никогда не слышала. – Ты поняла, почему я так сделал.

Он усмехнулся:

– А то все обычно говорят, что сочувствуют, а сами меня в таких позах представляют, какие Дитриху и не снились.

– Если думал, что я этого не пойму, зачем ты мне это рассказал? – спросила Лана. – Напугать, что ли, хотел? Думал, что я не буду спать с… э-э-э… в общем, больше не буду с тобой спать?

Курт пожал плечами.

– Ты бы всё равно узнала. Александр в курсе. Удивляюсь, почему он до сих пор тебя не просветил на мой счёт.

Некоторое время они молчали, глядя на оставшихся у горизонта китов. Те играли – выскакивали из воды и зависали в воздухе, приплясывая и изгибаясь. Гигантские серые запятые словно брали небо в кавычки. Затем с грохотом, напоминающим артиллерийский залп, могучие тела рушились обратно. Звери явно соревновались между собой, тела подлетали всё выше. Тусклый свет солнца серебрил их серые шкуры.

– А что скажут твои родители? – обратился Курт к Лане.

– О чём ты? – удивилась она.

– Ты ведь русская, а я – нацист.

– А твой дедушка воевал в России? – спросила Лана. – Какой дивизией СС он командовал?

– Нет. Мой прадед вообще не воевал. Адольф Эйхманн командовал концлагерями. Он евреями занимался, в основном.

– Уж лучше бы он воевал в России… – покачала головой Лана.

– Так данная кандидатура нам не подходит?

– Подходит, – сказала Лана. – Отец мой одного боится – лишь бы я паранджу не надела, а мать говорит, был бы человек хороший. Надеюсь, ты лично никого в газенвагенах не жёг?

– Нет.

– И то хорошо. А твои родственники что скажут? Мы считаемся неполноценной расой или как?

– Нет худа без добра. После моих приключений с Дитрихом и его дружками женщины Шербе стали недоступны для меня, – объяснил Курт. – Предполагается, что я могу научить их плохому… Так что я могу жить с кем хочу.

На берегу впереди замелькали разноцветные дома Пуэрто-Мадрина.

Люстра, похожая на перевёрнутый хрустальный айсберг, гляделась в своё ослепительное отражение в начищенном паркете. По главному банкетному залу отеля «Пенинсула Вальдес» сновали вежливые официанты, разнося напитки и сигары. Звучала негромкая музыка – приглашённый из Буэнос-Айреса оркестр разыгрывался. Сначала планировался фуршет. Но гости, нагулявшие аппетит во время морской экскурсии, так набросились на закуски, что хозяйка отеля живо смекнула, что этого будет мало. На столах появились горячие блюда и бадейки с супами, из ресторана принесли стулья. В воздухе висел гул очень разных разговоров.

Рэндол Кайс, президент США, посетивший Аргентину впервые после избрания Александра, вяло ковырял вилкой тушённого в пиве цыплёнка.

– Не нравится мне это, – тихо сказал он по-английски своему министру обороны Салливану. – В столицу не пригласили, катают нас по водным экскурсиям, водят на заводы, как обыкновенных туристов… Фуршет этот…

– Да бросьте вы, Кайс, – ответил Салливан.

Он отрезал ломоть жареного мяса, лежавшего у него тарелке.

– Возможно, во Вьедме просто негде достойно принять гостей. Столицу перенесли всего полгода назад…

– Не знаю, не знаю, – покачал головой Рэндол. – Что это вы такое едите?

– Представляете, здесь тоже умеют готовить барбекю, не хуже, чем у нас, – сказал Салливан и приложился к бокалу с красным вином. – Только называют их «асадо».

Алисия, выглядевшая так, как и должна выглядеть жена президента Аргентины, изящно помешала ложечкой в чашке с бульоном и разломила мягкую булку. Алисия неодобрительно покосилась на Лану. Помощница Александра сидела напротив неё и уплетала простецкие чоризос с тушёными бобами. Карлос, устроившийся рядом с Ланой, отважно боролся с помидорным супом и эмпанадос. С другой стороны от Ланы сидел незнакомый Алисии бритый налысо мрачный парень и неторопливо ел жаркое по-аргентински. Было видно, что он крайне неловко чувствует себя в деловом костюме. Алисия же сидела одна. Александр воспользовался спешкой, в которой размещали гостей, и сел не рядом с женой, а вообще в другом конце стола, вместе с Рамиресом.

Карлос налил себе сидра из графина, в котором плавали кусочки ананасов, и решил поухаживать за дамой.

– Лана, ты что будешь пить? – спросил он.

– Мате, – ответила девушка.

Карлос налил ей зелёного чая, воткнул в стакан трубочку.

– А ты, Курт? – обратился он к бритоголовому парню.

«А, так это и есть тот самый нацист из Шербе», – подумала Алисия.

– Рислинг, пожалуй, – ответил тот.

Алисия поморщилась. Карлосу уже призывно махали с дальнего края стола. Журналист протянул Курту бутылку, чтобы он налил себе сам, подхватил свой бокал и умчался. Тяжёлая серебряная печатка на среднем пальце Курта привлекла внимание жены президента, когда он взялся за бутылку.

– Можно узнать, что это значит? – спросила Алисия, указывая на вытисненную на перстне однобокую ёлку.

Курт посмотрел на Алисию. Глаза у него оказались неожиданные – тёмно-синие, словно бархатные.

– Это руна хайльзехен, – пояснил он. – Говорят, приносит удачу и успех.

– И что, правда помогает? – заинтересовалась Алисия.

– Пока я прихожу к выводу, что мне следовало бы носить руну, притягивающую неудачу и поражения. Но такой, к сожалению, нет.

Алисия засмеялась. Курт улыбнулся:

– Вам очень идёт это платье.

– Оно так молодит вас, – подключилась к беседе Лана. – Кто скажет, что вам уже далеко за сорок? Больше тридцати и не дашь…

– Ваш сарафанчик тоже весьма мил, – благодушно сказала Алисия. – Жаль, что мой уровень интеллекта никогда не позволял мне носить подобные вещи.

– Как вы самокритичны, – вежливо сказала Лана.

Алисия задохнулась от злости, но ответить ничего не успела. Оркестр заиграл танго. За стулом Ланы возник генерал Салливан.

– Позвольте пригласить вас на танец, – на хорошем испанском произнёс он.

Курт в это время со скучающим видом смотрел в сторону, да и Лана не замешкалась с ответом ни на миг. Но у Алисии мелькнуло ощущение, столь же отчётливое, как и ни на чём не основанное, что какой-то краткий обмен мнениями между Куртом и Ланой всё же произошёл,

и дело решилось в пользу генерала. Лана с улыбкой поднялась. Салливан заметил Алисию и сказал:

– Я видел вашего мужа, пока шёл сюда. Он так налегает на устрицы, что я просто завидую вам, мадам!

Алисия закусила губу и нервно стиснула салфетку. Александр, безусловно, готовился к сегодняшней ночи. Но старался он совсем не для жены. Когда она подняла глаза, пара уже присоединилась к танцующим.

– Грубый казарменный юмор, – сказал Курт. – Забудьте. Вина, может быть?

Алисия кивнула. Курт налил ей рислинга.

– За товарищество по несчастью, – он поднял свой бокал.

И хотя Алисия не думала, что после всего случившегося что-нибудь может её рассмешить, она засмеялась.

– Скажите, а все нацисты такие душки? – спросила она, берясь за ножку бокала.

– Ну, почти, – усмехнулся Курт.

Кайс был немного сутуловат, да и ростом чуть не дотягивал до среднего. Вместе с Куртом, высоким и стройным, как сосна, они смотрелись как два персонажа с карикатур Геббельса.

– Позвольте представить вам Курта Эйхманна, – сказал Александр.

– Это не ваш предок заведовал решением «еврейского вопроса» в Третьем рейхе? – спросил Рэндол.

– Мой.

Кайса передёрнуло.

– Извините, что не подаю вам руки, – сухо произнёс он.

– А почему вы думаете, что я бы вам подал руку? – сказал Курт.

Александр сделал ему страшные глаза – Кайс явно не полез бы за словом в карман. Положение спас Салливан, подошедший к собеседникам.

– Ах, какая женщина, – сказал он размягчённо, глядя вслед Лане. – Как вы говорите? «Фемина»?

– Мы говорим – die Frau, – ответил Курт.

– А, так вы и есть помощник президента Александра по идеологическим меньшинствам? – уточнил Салливан. – Извините, запамятовал вашу фамилию… Эйхманн, кажется?

Курт кивнул.

– А вы, кажется, Джон Салливан? Это не вы командовали прорывом под Кампонгчнангом в двадцать шестом году?

– Я, – ответил приятно удивлённый генерал. – Постойте, так вы Курт Эйхманн?

Кайс нахмурился. Александр беспомощно наблюдал за беседой, идущей под откос, как подорванный партизанами поезд. Он растерянно взял с подноса пробегавшего мимо официанта бокал с вином.

– Хорошая идея, – Салливан тоже потянулся к подносу.

– По-моему, вам уже хватит, Джон, – сказал Кайс.

Генерал ткнул бокал с вином прямо ему в руки, и Кайсу пришлось его взять – иначе бы бокал упал на пол. Салливан взял вина себе и Курту.

– Господа, – торжественно обратился он к присутствующим. – Я предлагаю выпить за этого смельчака, который спас тридцать вторую особую бригаду во время беспорядков в Кампучии! Эйхманн со своими ребятами ударил по красным кхмерам с фланга, когда эти косоглазые обезьяны уже вешали себе на шею верёвки для сбора наших ушей… Я и не думал, что вы живы, Эйхманн, чёрт вас возьми! Мы вас потом везде искали, чтобы вручить медаль Конгресса «За отвагу», но так и не нашли…

– При выполнении манёвра моему отряду пришлось пройти под «лестницей в небо», – ответил Курт. – Тогда их ещё не экранировали, и поэтому нам это удалось. Но моим ребятам и мне требовалась срочная госпитализация. Нас эвакуировали сразу после боя.

– Я так рад, – Джон сердечно чокнулся с Эйхманном и остальными.

Все четверо выпили, Курт с Салливаном – залпом, Кайс – неохотно, а Александр – с искренней благодарностью небу за то, что оно так вовремя послало им этого старого служаку.

– Мы должны пробыть здесь неделю, по-моему, – продолжал Салливан. – Я постараюсь за это время оформить необходимые документы…

Вино смягчило президента США, и он попытался выправить положение.

– Извините меня, Курт, – сказал Кайс. – Если бы ваш предок оказался порасторопнее, мы бы сейчас с вами не разговаривали. Но, в конце концов, сын за отца не отвечает, а тот Эйхманн должен приходиться вам по меньшей мере дедом. Главное, что теперь вы вместе с нами сражаетесь за свободу и демократию. В глобальном, так сказать, масштабе.

– В свободу от чего бы то ни было я вообще не верю, – рассеянно ответил Курт. – А вот демократия кажется мне достойной целью.

Александр поперхнулся вином. К счастью, Кайс не знал, что Курт был снайпером, и двусмысленности не понял.

– Но на глобальный масштаб нам и правда одним не потянуть, – закончил Эйхманн.

Кайс удовлетворённо кивнул:

– Эти косоглазые совсем оборзели. Азия уже трещит от них по всем швам, так они к нам лезут. Вы не можете себе представить, что творится у нас в Штатах, Эйхманн! Я попробовал ужесточить законы об иммиграции – так все эти так называемые защитники прав человека подняли такой вой…

– Не думаю, что вы можете себе представить, что я в состоянии себе представить, – вежливо, но снова крайне двусмысленно ответил Курт и обратился к Александру: – Господин президент, разрешите пригласить на танец вашу жену. Она очень скучает, как мне кажется.

Александр вяло махнул рукой.

Курт кивнул на прощание и отошёл.

– Да, он производит сильное впечатление, – сказал Кайс, задумчиво глядя вслед Эйхманну. – И как вы только умудряетесь держать его в руках?

– Вы ещё не видели других моих помощников, – улыбнувшись, ответил Александр.

– Кстати, – Кайс пристально посмотрел на Александра. – Я слышал, в вашем государстве была буря возмущения в ответ на ваше требование, чтобы исправительные учреждения были переведены на самообеспечение? Я-то вас поддерживаю обеими руками. С какой стати общество должно содержать ублюдков, которые портят жизнь нормальным людям? Но говорят, у вас тут были чуть ли не восстания в тюрьмах…

– У вас неверная информация, – сказал Александр спокойно. – Ваш агент перепутал Аргентину с Бразилией. У них действительно недавно заключённые взбунтовались и захватили одну из колоний. Политика здесь ни при чём. В той колонии ожидал смертной казни крайне влиятельный криминальный авторитет. Скажите своему человеку, чтобы он подзубрил географию.

– Америка такая большая, – вздохнул Кайс. – Что ж, я рад, что ошибся.

Александр вежливо кивнул.

Приём шёл своим чередом. Утолив голод, часть гостей отправилась любоваться видом залива Нуэво. Карлос обнаружил Курта в оранжерее. Музыка сюда почти не доносилась, и вообще людей было мало. Эйхманн в полном одиночестве лежал на диване под араукариями и курил. Пиджак Курт подложил под голову, скрутив его в подобие подушки, а галстук повесил на мощный кактус.

– Как вы лихо сейчас отплясывали с Алисией, – Карлос присел на банкетке рядом с другом. – Александра не боишься?

– Он, по-моему, вообще готов поменяться, – усмехнулся Курт.

Карлос засмеялся:

– Я бы на твоём месте не соглашался.

Журналист заметил напротив горящего закатом окна стройное деревце в кадке. Оно совершенно терялось среди своих экзотических и не очень соседей, и с другого места Карлос его вообще не заметил бы. Из-за освещения дерево казалось чёрным.

– А ты хотел бы оказаться на моём месте? – спросил Эйхманн.

– Успокойся, Курт, – сказал Карлос. – Я тебе не конкурент. Видишь ли, Лана любит героев, а какой из меня герой? Так, продажная журналистская шкура…

Курт сел и метнул что-то в Карлоса. Журналист машинально поймал предмет и увидел, что это ключи от джипа Эйхманна с брелоком в виде черепа.

– Сейчас тебе представится такая возможность, – сказал Курт. – Забирай Лану и уезжайте. Скажешь ей, что я так решил.

Он потёр висок:

– Нехорошо как получилось. Ничего я Лане так и не подарил. Ведь и деньги были…

Курт огляделся по сторонам и оторвал веточку араукарии.

– Пусть хоть это будет.

Карлос вдруг понял и моментально протрезвел.

– Курт…

– Кайс – такой же, как я, – устало сказал Курт. – Я это сразу понял, а остальные ещё нет. И сам Кайс пока не догадался насчёт меня. Александр твёрдо намерен посмотреть твой репортаж в присутствии гостей. Стульев вон на всех не хватило, а здоровенный визор ещё вчера на стену банкетного зала повесили. Я пытался его отговорить. Докладную сразу подал, когда вернулся. Но всё без толку. Не поверил мне наш президент.

Курт потушил окурок и выбросил его в урну, стоявшую около дивана.

– Не та репутация у меня, чтобы мне верили, – сказал он мрачно.

– Он поверил тебе, по крайней мере, наполовину. Александр же не потащил штатников во Вьедму, – заметил Карлос.

– Знаешь, поверить наполовину – это то же самое, что наполовину остаться девочкой, – хмыкнул Курт. – Как только твоя морда замелькает на экране, тут такое начнётся… Я бы не стал вмешиваться. Но дело в том, что Кайс хочет убить Александра, а свалить всё на меня.

– У Александра, конечно, отношения со Штатами хуже, чем у Сальвадореса были, – покачал головой Карлос. – Но не до такой же степени.

– До такой, – сказал Курт. – Ты вспомни, когда телкхассцы начали бомбить дядю Сэма?

– Три года назад примерно, – рассеянно ответил журналист.

– Правильно. Когда Александр с долгами перед МВФ рассчитался. Ну вот смотри, Карлос. Был такой милый президент Сальваторес, либерал, занимался демократией и правами человека, с Соединёнными Штатами дружил, а под это дело долгов набрал у МВФ по стоимости на пол-Аргентины. А потом пришёл Александр, перонист, долги отдал, новые брать не хочет, и занялся вместо демократии тяжёлой промышленностью и сельским хозяйством. И до кучи выпер штатников с урановых рудников. А конца в войне с телкхассцами, между прочим, не видать. Штатникам же летать теперь не на чем. Дейтерий они и сами производить могут, конечно, но это ведь целую отрасль перестраивать надо. А во время войны это ещё тот геморрой. Химмельзон сейчас работает на них, но даже это Соединённые Штаты уже не спасёт. «Лестницы в небо» из трёх пальцев не закрутишь, бериллий нужен.

Карлос, слушавший с большим интересом, усмехнулся.

– Знаешь, я когда тебя первый раз увидел – в столовой, над кучей разорванных монстров, – мне и в голову не могло прийти, что ты так здорово в геополитике разбираешься…

Курт поморщился.

– Карлос, я же не мальчик, которого научили бегать с автоматом и стрелять. Я профессиональный военный, в третьем поколении.

– Да нет, – сказал журналист задумчиво, – ты профессиональный руководитель в третьем поколении, Курт. Ну хорошо, ты всё правильно говоришь. Но не будет Кайс сам мараться, он же не дурак. Подослали бы каких-нибудь убийц…

– А вот здесь Кайс дал маху, – сказал Курт спокойно. – Этими убийцами должны были стать жители Шербе – нас же туда вели, чтобы мы там всех перезаражали…

Карлос вздрогнул.

– Я всё никак не мог понять, почему Кайс до Шербе докопался, – продолжал Курт задумчиво. – Почему ему так хотелось уничтожить заодно и нас. А сейчас узнал, что у Кайса к нам личный счётец был. И видимо, немаленький.

Журналист покачал головой.

– Это, по-моему, третий еврей на президентском посту за всю историю Соединённых Штатов, – сказал он. – Да, Курт, хорошенькую свинью нам подложили твои предки…

– Я этого не понимаю, – сказал Эйхманн. – Фюреру были нужны деньги, а большая часть активов в то время была сосредоточена в руках евреев. Просто так свои деньги никто не отдаст. Ну а сделать исключение для бедных евреев мы не могли, это было бы нечестно… Но зачем смешивать личное с государственным?

– Не тебе судить, – сухо сказал Карлос.

– А кому, как не мне? – возразил Курт. – После войны Германия оказалась в глубокой жопе, мы вообще на другом свете, я Новый Свет имею в виду. А евреи, между прочим, получили свою землю обетованную. И они ещё будут к нам претензии предъявлять? Мы, нацисты, от долгов не отказываемся. Если бы Кайс смог отделить личное от государственного, если бы он не тронул нас, дельце скорее всего выгорело бы. А так… Оплатим в полном размере, с процентами, что набежали почти за сто лет.

– Может, Рамиресу скажем? – предложил журналист.

– Не маленький, сам справлюсь.

– Что ты намерен делать? – спросил Карлос.

– То, что умею лучше всего, – ответил Курт.

– Понятно, – пробормотал журналист. – Убивать…

Курт покачал головой.

– Нет, Карлос. На этот раз – умирать.

– Помнишь, Курт, – сказал Карлос, глядя на ключи и пушистую веточку у себя в руках. – В колонии, когда я боялся, что ты нас бросишь? Ты тогда сказал, что настоящих людей очень мало? Так вот ты, несмотря на всё, смог остаться человеком.

– Да брось ты, – Курт поморщился. – Какой из меня человек? Я нацистский выродок, которому в приличном обществе даже руки не подают.

Карлос покачал головой. Потом сунул ключи и веточку араукарии в карман и пошёл к выходу из оранжереи. Курт поднялся с дивана, подошёл к тому самому дереву, которое привлекло внимание журналиста, и коснулся ствола рукой.

– Кстати, как называется это деревце? – спросил Карлос.

– Берёза, – ответил Курт.

– Какая экзотика, – пробормотал журналист.

На подъездной аллее к отелю Карлос и Лана столкнулись с Винченцо.

– Вы тоже возвращаетесь во Вьедму? – спросила Лана. – А что так рано?

– Да, завтра рано вставать, – вежливо ответил учёный. – Много работы.

Служитель как раз подогнал его машину.

– Желаю вам приятно провести вечер, молодые люди, – сказал Винченцо и хлопнул дверцей.

Карлос посмотрел ему вслед и смачно харкнул на посыпанную гравием дорожку.

– Вам тоже машину? – спросил служитель в песочном сюртуке, униформе «Пенинсулы Вальдес».

– Чёрный «хаммер», – сказал журналист, отдавая ключи.

Парнишка расплылся в улыбке.

– Так это ваш зверь, сеньор! Чёрный, мощный! Прямо ух! Как кит… Мне так нравится. Он был очень грязный, так мы его помыли. И трещина там на заднем стекле, сеньор, вы его совсем не бережёте…

– Надеюсь, стекло вы не заменили? – перебил восторги парня Карлос, доставая кошелёк. – Сколько с меня?

Парнишка махнул рукой, взял ключи и вскоре вернулся с машиной. Пока они ехали по ярко освещённым улицам Пуэрто-Мадрина, Карлос и «хаммер» крайне осторожно выясняли, кто же из них будет вести. Джип отнёсся к незнакомому водителю недоверчиво, но не враждебно. К тому времени, когда они выбрались на почти пустую трассу, ведущую во Вьедму, Карлосу удалось вызвать симпатию у «хаммера». Только тогда журналист обратил внимание, что Лана с момента отъезда из отеля ни разу не раскрыла рта. Карлос покосился на неё и увидел заголовок книжки, торчавшей из сумочки Ланы.

– Борхесом увлеклась? – спросил он. – Чувствуешь себя в саду расходящихся тропок?

– Борхес не нравится мне, он зануда, как все латиносы, – ответила Лана.

– Сдаётся мне, ты хочешь меня обидеть, – засмеялся Карлос.

Про себя же он подумал: «С кем поведёшься – с тем тебя и расстреляют…»

– Ты наполовину француз, – возразила Лана. – А Борхеса я купила потому, что это был единственный справочник по германским мифам, какой я смогла найти.

Она вытащила книгу, чтобы показать Карлосу.

– А, я знаю эту серию, – произнёс он, краем глаза взглянув на обложку. – Недорогие пособия для студентов, с претензией на основательность… Но зачем она тебе?

– Должна же я знать, по каким перегонам идут мысли в голове Курта, – ответила Лана.

– Ты бы лучше «Майн Кампф» купила.

– Не так-то просто найти в Аргентине «Майн Кампф» на русском или хотя бы на испанском, – резонно возразила она. – Но я заказала, к концу недели должны привезти.

– И по каким же перегонам грохочут мысли в голове нашего общего друга?

– Пока я ещё не очень разобралась, – призналась она. – Но сильно напрягает то, что у всех сказок плохой конец. Прямо нация эсхатолистов…

Карлос неловко улыбнулся и прибавил скорость. Мимо промелькнули огни придорожной деревушки, и «хаммер» снова нырнул в темноту.

– Что-то ты сегодня к шапочному разбору появился, – сказала Лана. – Ни на заводе, ни на яхте тебя ведь не было с нами… Теряешь нюх?

– Не оскорбляй меня, – усмехнулся Карлос. – Нос – самая чувствительная часть моего тела. Я тут чего-то на лыжах захотел покататься. Взял да и смотался в Чили. А с их стороны Анд как раз лавина сошла позавчера, напротив Сан-Карлос-де-Барилоче. Я поехал со спасателями и такой материал нарыл, пальчики оближешь. Сегодня вечером по первому каналу пойдёт, в международных новостях. Мы с ребятами готовили запись к эфиру, то да сё, вот я и припозднился.

– И что за материал? – спросила Лана.

Карлос поколебался секунду, но ответил:

– Помимо курорта горнолыжного, до которого я так и не добрался, рядом еще какую-то сверхсекретную базу накрыло. Оказывается, там такие опыты ставили над людьми, что Менгеле нервно курит в сторонке. А особая пикантность заключается в том, что база находилась на территории, выкупленной государственным департаментом США, и большая часть погибших – американские граждане… Международный скандал!

Он засмеялся и добавил:

– Меня чилийской визы лишили на полгода.

– Карлос, мне-то можешь не заливать, что ты со ***спасателями*** поехал, – сказала Лана устало.

Он промолчал. Некоторое время они оба смотрели на несущуюся навстречу полосу изборождённого трещинами асфальта. В свете фар старое покрытие казалось не чёрно-серым, а белым.

– Совсем забыл, – пробормотал Карлос.

Он вытащил из кармана пальто веточку араукарии:

– Это тебе от Курта.

Лана взяла смятую веточку, расправила её. До символического значения ели в германской мифологии, если она имела таковое, девушка ещё не добралась. Вдруг Лана вспомнила смысл, который ель имела в мифологии славянской, и вздрогнула.

– Поворачивай, – чужим голосом произнесла она. – Мы возвращаемся в Пуэрто-Мадрин.

– Ланочка, смертным не место в битвах титанов, – ответил журналист.

– Поворачивай, я сказала!

Карлос отрицательно покачал головой и нажал на газ. Одновременно тормоза сами собой втопились в пол. Завизжали колодки, джип потащило на встречную полосу. Карлос изумлённо посмотрел на Лану. По глазам ему полоснуло светом от выскочившей из-за поворота машины.

Карлос вывернул руль.

Кайс ждал, когда на экране появятся слова «Property of U. S. Prohibited area», сжимая лежавший в кармане «вальтер». Время словно застыло. Замерли и люди в банкетном зале отеля «Пенинсула Вальдес», смотревшие выпуск последних международных новостей. Гости и хозяева перестали, кажется, даже моргать. Да что там – Кайс знал, что они сейчас и дышать перестали. В банкетном зале сидели опутанные телепатической паутиной куклы. Они слышали голос репортёра и видели всё то, что происходило на экране – изуродованные мутациями тела, оборудование, ещё вчера бывшее сверхсекретным, густо исписанные формулами листы.

Но самого главного они видеть не могли.

Надпись заполнила собой весь экран. Кайс неторопливо поднялся и приставил пистолет к затылку сидевшего рядом Александра. Потом баллистики несомненно придерутся, скажут, что Эйхманн не мог стрелять в упор, потому что находился в другом конце зала. Или что, по показаниям свидетелей, он вообще был в оранжерее в то время, когда президенту Аргентины разнесло голову. Въедливые ребята эти баллистики.

Потом…

Если оно будет, это «потом».

Сухо щёлкнул курок – осечка. Кайс дёрнул щекой и нажал ещё раз.

– Табельное оружие у нас давно другой марки, – раздался в мёртвой тишине насмешливый голос. – Лучше надо изучать противника, Кайс.

Кайс поднял глаза и увидел Эйхманна. Курт стоял в дверях оранжереи, вольготно прислонившись к косяку. И ещё президент США увидел, что все собравшиеся, включая самого Александра, смотрят на него полными страха и непонимания, но совершенно ясными глазами. А в следующий миг Кайса ослепили вспышки. На приёме было много журналистов, и никто не собирался упускать свой звёздный час.

Президент США взвыл и попытался отдёрнуть руку, но воздух превратился в клей. Александру по понятным причинам очень быстро надоело позировать. Президент Аргентины спустился со стула и на четвереньках прополз под рукой застывшего, как манекен, Кайса. Тот понял, что ему всё-таки удалось повлиять на собравшихся в зале людей – до сих пор никто не кричал, всё происходило в жуткой тишине. Кайс с ненавистью посмотрел на Курта.

– Ты там что-то говорил о свободе? – ухмыляясь, сказал Эйхманн. – Так вот, я давно не чувствовал себя так свободно, как сейчас… Мой прадед действительно оказался нерасторопен. Но я-то пошустрее буду.

– Его вздёрнули, а на тебя даже верёвку тратить не придётся, – хрипло ответил Кайс.

– Дай людям уйти, – сказал Курт. – Это же касается только нас с тобой, паршивая еврейская свинья…

– Ты сам понимаешь, бош, что отсюда уже никто не уйдёт, – произнёс Кайс.

Что-то тяжело затрещало. С потолка посыпалась извёстка – из него, как корни, выдирались балки и провода, на которых висела люстра. Свет последний раз мигнул и погас. Раздались запоздалые крики ужаса. Но огромная конструкция в полном противоречии с физическими законами отказалась рухнуть прямо вниз. Люстра медленно проплыла в воздухе, позвякивая подвесками, развернулась и превратилась в наконечник огромного копья. И нацелено оно было на фигуру в белой рубашке, стоявшую в дверях оранжереи. Хрустальное массивное копьё устремилось к Курту. Над его головой оно зависло, словно застряв в воздухе, хотя уже успело разогнаться до скорости, достаточной, чтобы превратить Эйхманна в утыканное осколками кровавое пятно на стене.

Эйхманн зевнул.

Люстру метнуло в обратном направлении с такой силой, что потоком воздуха со столов сорвало скатерти с остатками угощения. Тарелки и салаты брызнули в разные стороны. Люстра с тяжёлым грохотом врезалась в стену над Кайсом. Масса перекрученной арматуры и превратившегося в крошку хрусталя погребла под собой президента США.

Александр, как во сне, посмотрел на сосновую панель, оказавшуюся в узкой полосе света из оранжереи. Дерево покрыли кляксы чёрных звездчатых трещин. В самой верхней из них дрожал, разбрасывая вокруг брызги искр, хрустальный обломок размером с ладонь. Картину с испанским галеоном разрубило точно пополам. На обрывке, оставшемся на стене, трепетали под вечным бризом паруса на фоне синего неба.

– Он мёртв? – раздался в темноте голос Рамиреса.

Словно в ответ на его слова, прозрачная куча на полу зашевелилась.

– Нет, – сказал Курт. – Уводите людей, генерал. Долго мне его не удержать.

Карлос открыл глаза. Сначала журналист увидел лишь темноту. Но вот зрение сфокусировалось, он заметил в ней блестящие капли звёзд и понял, что над ним небо. Карлос удивился – он ожидал найти над собой крышу джипа или белый потолок палаты, но тут заметил Рамона и очнулся окончательно.

– Как вы? – спросил врач.

Карлос вяло махнул рукой, сел и обнаружил себя на обочине дороги. Чуть впереди стояла «тойота» Рамона, нависая над кюветом передним колесом. Карлос покрутил головой, ища джип, хотя фары машины Рамона светили прямо на «хаммер». Помятый, искорёженный джип находился в конце широкой просеки в колючем кустарнике. Журналист отчётливо помнил, что перекувырнуло их не меньше двух раз, но в конечном итоге джип встал на колёса. Пассажирская дверца оказалась открыта.

– Где Лана? – спросил Карлос.

– Думаю, мы нагоним её на пути к Пуэрто-Мадрину, – ответил Рамон.

Карлос попытался встать, но это оказалось не таким простым делом. Врач помог ему. Они вытолкнули «тойоту» обратно на дорогу.

– Подождите, Рамон, а как вы здесь оказались? – спросил Карлос. – Решили проведать свою тётушку? На ночь глядя?

– Мне показалось, что Курту нужна моя помощь, – тихо ответил тот.

Карлос пристально посмотрел на него:

– Очень нужна.

Рамон сел в машину. Карлос, припадая на левую ногу и морщась от боли, которая простреливала лодыжку каждый раз, когда он на неё наступал, начал спускаться в кювет.

– Вы куда? – крикнул Рамон.

Карлос добрёл до джипа, забрался в него и вытащил ключи, путаясь в обрывках подушки безопасности. Спрыгнув на землю, журналист захлопнул дверцу. Уцелевшая фара моргнула, когда Карлос включил сигнализацию. Журналист вернулся к «тойоте».

– Раз так, джип может ему ещё понадобиться, – пояснил он, садясь на переднее сиденье.

Рамон завёл мотор, и они поехали. Карлос не сводил глаз с обочины, но когда «тойота» миновала деревушку, начал тревожиться.

– Может, Лану уже кто-нибудь подобрал? – пробормотал он себе под нос.

Рамон покачал головой:

– Мимо нас никто не проезжал, пока я возился с вами.

Карлос заметил светлый силуэт метрах в пятидесяти.

– Вот она! – воскликнул журналист и начал опускать стекло.

Рамон сбросил скорость. Когда Карлос высунул голову в окно, фигура исчезла.

– Что за шутки, – растерянно сказал Карлос. – Рамон, но вы-то её тоже видели?

Он посмотрел вперёд и снова увидел Лану. Теперь не оставалось никаких сомнений, что это именно она – второго плаща такой расцветки в окрестностях Вьедмы было не сыскать. Девушка вынырнула из пустоты, словно улыбка Чеширского Кота.

– Лана! – закричал Карлос.

Она обернулась. Рамон подъехал к ней.

– Садись, – сказал Карлос и повторил нетерпеливо, увидев сомнение на её лице: – Садись, так всё равно будет быстрее.

Лана хлопнула дверцей, забираясь в салон.

– Какой элегантный способ передвижения – и туфельки не пачкаются в грязи, – сказал Рамон, когда они снова тронулись.

– Это не ваше дело, – отрезала Лана.

– Его, – сказал Карлос. – Это Рамон Гонзалес, психиатр Курта.

– Извините, – сказала Лана гораздо дружелюбнее.

– Рамон, а почему ты решил, что Курт сейчас нуждается в тебе? – осторожно спросил Карлос.

– Он попросил подержать Лану за руку, когда она придёт ко мне на приём, и обещал, что это будет уже скоро, – ответил Рамон.

Карлос непонимающе посмотрел на него.

– Курт знал, что не вернётся! – воскликнула Лана со слезами в голосе.

Тут ей в голову пришла другая мысль.

– Но как вы… Неужели есть ещё кто-то, кроме меня…

Рамон смущённо потёр переносицу.

– Я взял свою левую руку правой и представил оранжевые орхидеи на жёлтом фоне, – сказал он.

Огни Вьедмы приближались. Карлос поискал глазами – на месте высотного здания отеля в стройной симфонии фонарей чернел провал.

Отель трещал по всем швам и шатался из стороны в сторону, как перебравший вина гаучо.

Лана ворвалась в толпу, как разъярённая фурия. Рамон и Карлос следовали за ней. Лана оттолкнула женщину в халате и с бигудями на голове, протиснулась между чьим-то жирным обнажённым плечом и плечом в тёмно-зелёном мундире. Погон царапнул её щёку так, что в лицо Рамону брызнула кровь, но Лана, похоже, этого даже не заметила. Полицейский из оцепления что-то хотел сказать, но Карлос сунул ему под нос журналистское удостоверение. Они нырнули под жёлтую ленточку. Рамон увидел чуть в стороне Александра, Рамиреса и ещё одного мужчину в непривычной, хотя точно военной форме.

– Перед любым судом, господин президент, – услышал врач взволнованный голос неизвестного военного. – Я подтвержу, что Кайс напал на вас!

«А, это военная шишка из США», – сообразил он.

– Спасибо, – отвечал Александр и обратился к Рамиресу: – Помогите Курту, Паоло!

В окнах здания одно за другим, словно хлопушки, лопались стёкла. Стеклянный дождь брызнул на мостовую. Толпа – постояльцы отеля, приглашённые на фуршет гости и просто любопытствующие – застонала, ахнула и подалась назад.

– Нам лучше отойти… Я готов, господин президент. Но я не знаю, как и чем. Я с подобным сталкиваюсь первый раз, – ответил Рамирес. – А если мы навредим Эйхманну? Если Кайс вырвется, от города мало что останется.

– Неужели никто, ничем не может ему помочь? – воскликнул Александр.

– Почему же, – пробормотал Рамон себе под нос.

Он двинулся по подъездной дорожке к отелю. Сзади ему что-то кричали, но он уже не слушал. Врач вошёл в холл, наполненный розовым искрящимся туманом, и остановился.

– Курт?

По ушам Рамона ударил совершенно нечеловеческий рёв – Кайс тоже услышал его. Дверь за Гонзалесом с грохотом захлопнулась.

Я УЖ ДУМАЛ, ПРИДЁТСЯ УМИРАТЬ ОДНОМУ.

– Нет, малыш. Я тебя не брошу.

ПОТЕХА В САМОМ РАЗГАРЕ. ПРИСОЕДИНЯЙСЯ.

– Как? – спросил Рамон.

ВЫХОДИ ИЗ ТЕЛА.

Рамон не стал спрашивать, сможет ли он вернуться.

Он знал ответ.

Кто-то грубо схватил Лану за предплечье. Девушка обернулась и увидела отражение своего перекошенного яростью лица в глазах Александра.

– Пусти! – закричала она. – Он убивает Курта!

С грохотом и треском взорвалась оранжерея, хотя взрываться там было совершенно нечему. Александр стиснул руку Ланы ещё сильнее.

– Ну, Курт его тоже не ласкает… – сквозь зубы сказал Карлос.

Они с Алисией стояли метрах в пяти от парочки, рядом с полицейской машиной.

– Пусти! – завопила Лана и рванулась. – Я не хочу оставаться одна!

Огромный кусок стекла с тихим свистом обрушился на крышу машины. Карлос схватил Алисию за плечи и оттащил в сторону. Осколок не разбился о машину; он пробил крышу, проткнув старенький «форд» до самого руля, и застрял в металле.

– Одна, значит? – сказал Александр чужим голосом.

Он отпустил девушку, сделал шаг назад. Лана бросилась к зданию, по фасаду которого, всё расширяясь, уже змеилась трещина. Из машины, шатаясь, выбрался полицейский. Он сидел

со стороны пассажира и только поэтому остался жив. По плечу форменной рубашки стекала кровь. Глаза у парня были совершенно круглые, а брюки спереди – мокрые.

– Позвольте, – сказал Александр и взял пистолет у него из рук.

– Прощай, Лана, – пробормотал президент и сунул ствол себе в рот.

Лана всё же услышала его, обернулась на бегу, да так и застыла.

– Стой! Это нечестно! – закричала она.

Александр опустил пистолет и сказал:

– А на фига мне это всё сдалось без тебя?

Алисию так сильно передёрнуло, что Карлос наконец заметил, что у него в руках кто-то есть. Он отпустил её.

– Здесь очень опасно, – он понимал, что несёт несусветную чушь. – Вам нельзя здесь находиться, пойдёмте…

И тут отель «Пенинсула Вальдес» взорвался.

Карлос отшвырнул какую-то доску и выбрался из-под завала. В свете горящих останков отеля журналист увидел Александра и Лану. Обнявшись, они сидели на земле около перевёрнутой полицейской машины. Президент гладил Лану по голове.

– Это моя вина, – сказал Александр. – Я должен был ему поверить. Должен был! О господи…

– А я тебе говорил, хрена ли делать в этой Аргентине! – раздался над разгромленной улицей сердитый мужской голос. – Нет, заладила, как попугай, – пампасы, киты! Нагляделась на своих китов? Лучше бы мы гараж купили!

Раздался отчётливый звук удара в мягкое, а потом тяжёлый шорох оседающего тела.

– Достал… И новый компьютер тебе, конечно, – произнёс женский голос не так громко, но вполне отчётливо.

Мимо Карлоса прошла женщина в разорванном шикарном платье. Журналист узнал Алисию. Каблук одной туфли подломился. Алисия сильно прихрамывала, но не утратила своей величественности. Она приблизилась к перевёрнутой полицейской машине и остановилась, не доходя до Александра и Ланы метров двух.

– Теперь ты будешь иметь её, но «всего», похоже, придётся лишиться, – процедила Алисия сквозь зубы. – Я даю тебе развод.

– Обязательно надо было, чтобы для этого умер такой славный парень? – ответил Александр.

Что-то кольнуло ладонь Карлоса. Журналист разжал руку и увидел, что держит в ней ключи от джипа Курта. Теперь уже никогда не узнать, что заставило его ухватиться за ключи в миг, который вполне мог оказаться последним.

– Да, Курт, умирать ты умеешь, – сказал Карлос, глядя на пластмассовый череп.

Журналист перевёл взгляд на догорающие развалины.

– Очень жаль, что жить тебя никто не научил…

Анна Ветлугина
Направление льва

Посвящается моему петербуржскому другу Павлу Фильченко и московскому другу Нине Молодцовой

Три фигуры нависли над ним в ожидании – тёмные, брючно-стрелочные, парадно-офисные, одинаковые… Роман пытался смотреть им в глаза, но лица неуловимо двигались куда-то, как тусклые воды Обводного канала. Тогда он перевёл взгляд на воду и спросил:

– А если я откажусь сотрудничать с вами?

– Тогда будете иметь дело со свободой воли. Это – дело трудное и неблагодарное, коллега.

– Я отказываюсь, – твёрдо сказал Роман, глядя поверх канала вдаль, где виднелся силуэт краснокирпичного храма Воскресения Христова, и подумал: «Вот так, наверное, и погиб Бонифаций». Он ждал толчка в спину…

А ведь до чего весело и непринуждённо всё когда-то начиналось!

Глава первая. Безслов

– Заметь, Ромушка! От твоей славы человек получает ровно то же удовлетворение и чувство собственной значимости, что и от денег. Твое противопоставление смешит меня, простите, до колик!

Осик вещал, лёжа на продавленной сетчатой кровати. Ноги он задрал на её облупленную ржавую спинку, украшенную оловянными шариками, вероятно, по моде времён Первой мировой войны. Всё в Осике было тонко. Тонкие губы, тонкие брови, тонкая оправа очков. Глаза под очками смотрели с весёлым ехидством. Он учился на факультете политологии, по специальности «политический пиар». Его оппонент – сосед по комнате Роман, будущий философ – был, наоборот, крупный и размашистый. Дискутируя, он возбуждённо мерил пространство большими шагами. Комната имела потрескавшиеся потолки под два человеческих роста и разноградусные углы, какие встречаются в старинных питерских квартирах.

Это и была питерская коммуналка на первом этаже бывшего доходного дома. Её окна, заросшие вековой пылью, смотрели на Обводный канал. Студенты СпбГУ снимали здесь задёшево комнату на двоих, устав от общежития с его шумом и тупыми комендантами. Коммуналка состояла из трёх комнат. Одна всегда заперта. Её хозяин жил в другом месте. Скорее всего, ему надоела хозяйка двух оставшихся комнат, Рая, которой студенты платили свои копейки. Сейчас она б***у***хала кашлем в коридоре, явно приближаясь.

– О-ох! – вздохнул Роман. – Кажется, нас ждёт визит!

Действительно, за дверью раздалось стыдливое царапанье. Запас стыдливости, однако, быстро иссяк, и дверь начала сотрясаться от ударов ногой.

– За-анято! – пропел Осик.

Кстати, совершенно бессмысленно. Если хозяйка Рая решила войти – она войдёт.

– Мальчики, помогите! – просипела она, вбредая.

Лицо её, как у резиновой куклы. Последние следы индивидуальности смыты волнами недельного запоя.

– Червончик не хватает. В смысле, четыре. Сотенку дайте, я, как штык, верну… как штык, клянусь, ё-мое!

Осик нехотя встал с кровати. Дружески приобнял хозяйку, одновременно развернув её лицом к двери.

– Идите, Рая! Кризис. Мальчики сами ищут, где бы им свести концы с концами.

Хозяйка мутно озиралась, но уходить не спешила.

– А если я вас… ик… выгоню!

– В таком случае вы лишитесь ежемесячного дохода, – объяснил Роман. – Вряд ли кто-то ещё согласится с вами жить!

– Мы хорошие мальчики, Рая! – поддакнул Осик, снова ложась и задирая ноги на спинку. – Слушайте, что я вам говорю, не прогадаете!

Хозяйка неуверенно топталась, собираясь уходить. Вдруг у неё появился аргумент:

– Чё говоришь – хорошие? Цветы вон мне засушили совсем! Мама моя над ними дышала, а теперь чё? Ё-мое, ё-мое, ё-о-о…

– Вообще-то в кухне, где вы сами поливаете, они выглядят не лучше. – Роман начал раздражаться. Осик подмигнул ему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.